
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. Vol.(8). Is. 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 8.

Voennyi Sbornik

2015

Is. **2**

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. № 2 (8). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.06.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 8.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

© Voennyi Sbornik, 2015

2015

№ 2

CONTENTS

Articles and Statements

Perspective Model of Specialized Military Education in Empirical Characteristics Alexander P. Abramov	60
First Battle of Kharkov (7–26 October 1941) Vladimir I. Afanasenko	72
Notes of a Battalion Commander Mikhail F. Frolov	84
The First Danish Ironships Nicholas W. Mitiukov	86
«European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals Artyom Y. Peretyatko	104

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 8, Is. 2, pp. 60-71, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.60
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 316.354:355.1

Perspective Model of Specialized Military Education in Empirical Characteristics

Alexander P. Abramov

South-West State University, Russian Federation
October 50 Str., 94, Kursk city 305040
PhD (Sociology), Assistant Professor
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

On the basis of these sociological polls and interview to pupils, graduates of military schools of the Ministry of Defence of the Russian Federation, the Suvorov military schools, the Nakhimov military sea schools and experts in 2002-2013 is developed theoretical construct of perspective model of secondary specialized military education, conceptually is developed and its place and a role in structure of cadet formation of modern Russia is empirically proved.

Keywords: sociological model, professional socialization, future officer, pupil, specialized military education.

Введение

Системный кризис, затронувший социальную структуру общества с началом перестройки и переходом России к рыночной экономике, закономерно привел системной деформации и дисфункциональности многих социальных институтов, к смене социальных ориентиров, переоценке традиционных ценностей и норм различных профессиональных групп. Не исключением явился и институт военного образования, призванный выполнять социальный заказ общества и влиять на воспроизводство его профессиональной структуры.

Новая социальная реальность не только повлияла на снижение статуса военнослужащих, но и ухудшила идентификационные показатели профессии, породила проблему качественного воспроизводства кадрового корпуса офицеров, усложнила трансляцию лучших традиций через систему образования. Данные процессы усложнили задачи и предъявили новые требования ко всем уровням военного образования, составным элементом которого является система средних специализированных военно-учебных заведений, представленная суворовскими военными, нахимовским военно-морским училищами и кадетскими корпусами Министерства обороны Российской Федерации.

В затянувшейся реформе армии кадетское образование в современной России оказалось практически единственной формой и типом учреждений системы национального образования, которые способны дать своим воспитанникам качественное среднее образование, уберечь от соблазнов улицы и привить им навыки патриотизма,

коллективизма и уважения к национальным традициям. Совмещение военной подготовки с образовательным процессом способствует эффекту перевода личности в социально-транзитивный статус при выборе профессионального маршрута.

Поэтому актуализируется проблема создания модели специализированного военного образования, отвечающего запросу общества на воспроизводство офицеров новой формации, обладающих модальными качествами специалиста XXI века и способных обеспечить безопасность страны от внешних угроз.

Материалы и методы

Основным источником информации стали эмпирические данные, полученные автором в период с 2003 по 2013 годы.

Использование методологии исторического, системного и структурно-функционального подходов позволило разработать теоретический конструкт перспективной модели среднего специализированного военного образования в современной России.

Обсуждение

Отмечая роль социальных институтов образования в воспроизводстве военных специалистов, Г. Кобакович вполне аргументировано выделил ряд закономерностей, определяющих развитие и содержание военного образования на современном этапе:

- зависимость содержания военного образования, его структуры от уровня социально-экономического развития страны, военно-политической обстановки, военной доктрины государства, военной теории и практики;

- ориентация военного образования на обеспечение триединого процесса: обучения, воспитания и развития личности;

- зависимость содержания и структуры военного образования от определенной технологии обучения и воспитания, существующих военно-педагогических традиций;

- зависимость содержания военного образования, его результативности от степени преемственности и непрерывности подготовки военных кадров;

- оптимальное соотношение между фундаментальной (теоретической) и специальной (практической) подготовкой;

- зависимость необходимого уровня военного образования от степени приближения условий обучения и воспитания к реальным условиям существующих культурных практик [1, с. 14].

Опираясь на методологию системного подхода, специализированное военное образование рассматривается, как интегративное целое [2, с. 247], которое, по мнению Н. Лумана, Дж. Клира, Р. Флуда и Е. Карсона, эволюционирует, претерпевает существенные изменения и характеризуется высокой степенью согласия относительно целей, задач, ценностей и результата [13; 14].

Общая модель специализированного военного образования представлена на рисунке 1.

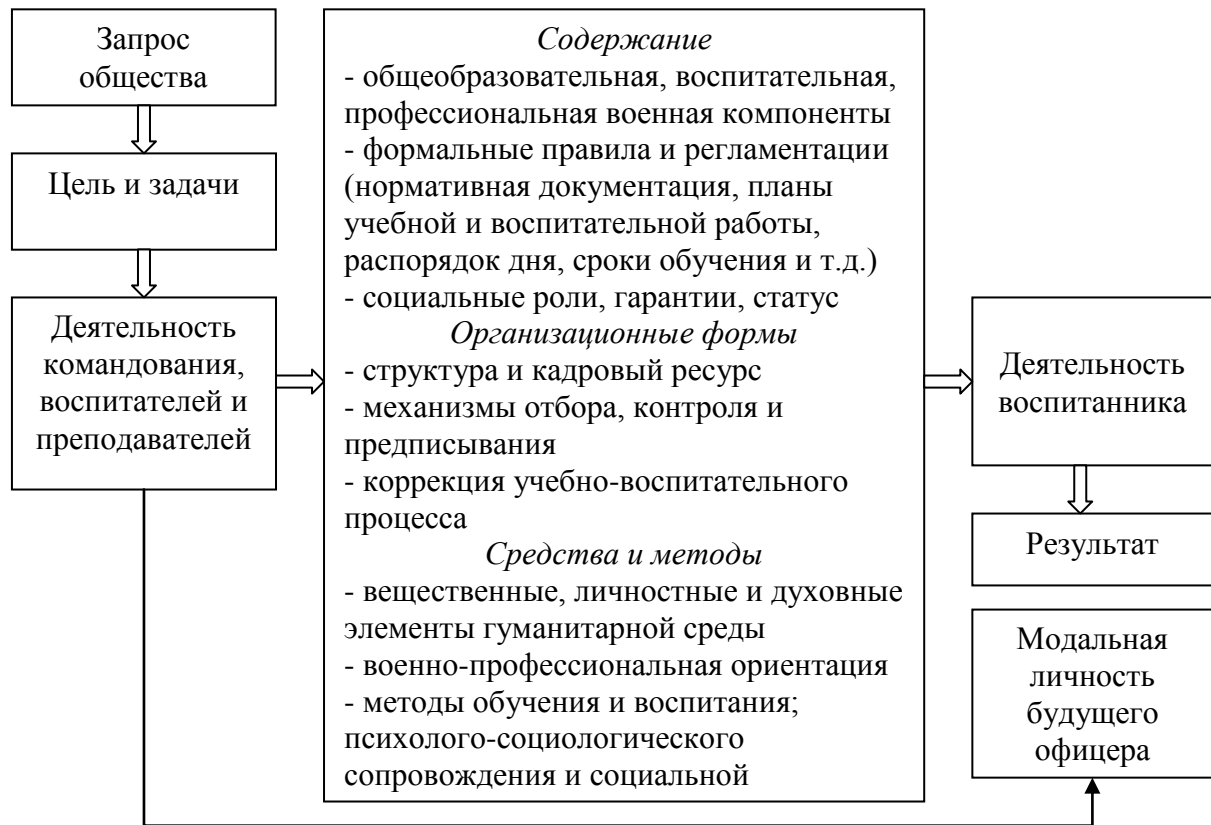

Рис. 1. Общая модель специализированного военного образования

Первичная и вторичная социологическая информация полученная автором в период с 2002 по 2013 гг, позволила выявить социальные характеристики такой модели. Эмпирическая база исследования представлена собственными исследованиями автора: 1) анкетирование воспитанников выпускного курса Московского СВУ (N = 45, 2013 г. - выборка серийная – панельный опрос) о слабых и сильных сторонах процесса социализации будущих офицеров и перспективах профессионального выбора; 2) экспертный опрос командования, преподавателей и офицеров-воспитателей (выборка квотная – целевой опрос): Московского СВУ (N = 42, 2002, 2011, 2013 гг.); Нахимовского ВМУ (N = 41, 2013 г.); Санкт-Петербургского СВУ (N = 43, 2002, 2011 гг.) и Уссурийского СВУ (N = 46, 2002, 2011, 2013 гг.) по вопросам реформирования системы специализированных военно-учебных заведений; 3) опрос выпускников специализированных военно-учебных заведений (выборка серийная – целевой опрос, 2012, 2013 гг.): Суворовских военных училищ (N = 123), Нахимовского ВМУ (N = 18) и Кадетских корпусов (N = 6) для определения влияния образовательной среды на их профессиональный выбор в зависимости от сроков обучения и замещения должностей воспитателей и командования кадровыми военными; 4) структурированное интервью с начальником Московского СВУ А. Касьяновым (материалы видеосъемки 28.11. 2013 г.) по вопросам профессиональной социализации воспитанников, как будущих офицеров. Вторичный анализ данных включает: 1) интервью начальника Московского СВУ А. Касьянова и заместителя начальника Нахимовского ВМУ В. Сухинина первому заместителю главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» С. Бунтману: «Военный совет: Нахимовскому военно-морскому и Суворовскому военным училищам 70 лет. Опыт становления и развития» (04.05.2013 г.); 2) мнение экспертного сообщества ветеранских организаций выпускников СВУ и НВМУ (N = 12, 2013 г.) по вопросам реформирования специализированного военного образования; 3) отзывы родителей (лиц их замещающих) воспитанников и выпускников специализированных военно-учебных заведений о состоянии образовательной среды и приобретаемых модальных характеристиках личности на официальных сайтах Суворовских военных, Нахимовского военно-морского училищ и Кадетских корпусов Министерства обороны РФ (N = 78, 2013 г.).

Результаты экспертных опросов командования, преподавателей и офицеров-воспитателей Московского, Санкт-Петербургского, Уссурийского СВУ и Нахимовского ВМУ (N = 172, 2002, 2011, 2013 гг.) раскрывают меняющиеся свойства образовательной среды, формирующие определенный тип личности будущего офицера. Респонденты рефлексуют по поводу задач, сроков обучения, кадрового ресурса, проблемным вопросам профессиональной социализации будущих офицеров.

В интервью начальника Московского СВУ А. Касьянова и заместителя начальника Нахимовского ВМУ В. Сухинина первому заместителю главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» С. Бунтману задачи, предназначение специализированных военно-учебных заведений и содержание образования определены следующим образом:

«... Главное предназначение Суворовского и Нахимовского училищ – подготовка будущей элиты вооруженных сил. Воспитанники целенаправленно готовятся к будущей офицерской деятельности. Поэтому наша задача – подготовить конкурентоспособных выпускников. Училища выполняют роль своеобразного социального лифта, который позволяет выпускникам подняться на достойную высоту. От школьников ничем не отстаем, и в некоторых моментах их превосходим, за счет углубленного изучения иностранного языка, физики и математики. Содержание военной компоненты является определяющим в процессе обучения и воспитания... В конце обучения выпускник должен выйти на уровень командира отделения, то есть, иметь достаточные знания основ военного дела, тактику не только своих войск, но и иностранной армии. В рамках учебного плана и распорядка дня у воспитанников формируется командирский навык управления подразделением. Десятиклассники выезжают на месячные лагерные сборы, где эти навыки закрепляются. В военных вузах возникнет потребность, где взять сержантов и старшин, командиров отделений, заместителей командиров курсантских взводов. Наши выпускники – готовый материал, который в этом направлении можно использовать» [3].

В личном интервью автору (28.11.2013 г.) начальник Московского СВУ А. Касьянов закрепил свою позицию, что главной задачей специализированного военного образования является профессиональная социализация будущих офицеров. При этом срок обучения в 7 лет, замещение должностей воспитателей офицерами запаса определяется им как наиболее оптимальные. Воспитатели – офицеры запаса с высшим образованием, имеющие, как правило, гуманитарное педагогическое образование, с хорошим войсковым опытом. Их отличает толерантность и любовь к детям. Это те, кто имеем своих сыновей. Интервьюируемый мотивирует свою позицию все возрастающими требованиями к специалистам XXI века, которые определяют характер обучения и воспитания, итогом которого становится подготовка воспитанников к будущей офицерской службе с младшего подросткового возраста. При этом воспитанники получают весь комплекс общеобразовательной и начальной военной подготовки.

Аналогичной позиции придерживаются и эксперты, работающие в СВУ в настоящее время (N = 14, 2013 г.): «... обучать нужно с маленького возраста, 7 лет – соответствует задачам училища, если просто подготовить для учебы в ВВУЗах, то и 3 года достаточно, но 7-ми летнее обучение дает более качественное среднее образование: обучение нескольким иностранным языкам, танцам, другим наукам. Что касается вопроса воспитателя – военный или гражданский, то предпочтительнее гражданский из числа отставников, так как молодые офицеры категории капитан-майор недостаточно опытны и обучены что бы работать с детьми 10–14 лет, здесь одним "равняйся-смирно" ничего не добьешься, если брать категорию подполковник – может что-то и получится, только где ж их набрать, да и у отставников не всегда получается... Поэтому воспитатели из запаса предпочтительнее, но они должны обладать знаниями психологии и педагогики, знать особенности работы с детьми. В армии офицеру этого не дают, в военных вузах этому не учат».

Рефлексия выпускников разных лет СВУ(N=33), НВМУ (N = 18) и КК (N=6) в опросе 2013 г., лейтмотив которого - сроки обучения и замещение должностей воспитателей и командования кадровыми военными, выстраивается следующим образом:

1) В отношении сроков обучения мнения разделились. Сторонники 3-х летней подготовки (до 45 % оценок) отмечают, что 3 года вполне достаточно, 7-ми летнее обучение было обусловлено послевоенным временем, сейчас такой потребности нет, подтверждая свою позицию суждениями: «Мы учились 3 года и этого задела нам хватило на многие

годы...». При этом наблюдается корреляция между сроками обучения интервьюируемых выпускников и их оценками. Те, что учились 7 лет определяют этот период в качестве оптимального, мотивируя свое мнение показателями и качеством получаемых навыков и умений. Общее распределение в оценках 58:42 в пользу 7-ми летнего срока обучения;

2) В отношении замещения должностей воспитателей и командования: «- Не принципиально действующий это офицер или нет. Намного важнее его опыт службы и педагогические навыки. Главное, чтобы человеком был в первую очередь.

- Офицеры запаса, или действующие не важно, главное чтоб были грамотными педагогами и воспитателями.

- Главное в воспитателе – любовь к детям...».

Доля подобных суждений экспертов и выпускников разных лет постсоветского периода составляет подавляющее большинство (более 95 %).

Вторичная социологическая информация отражает мнение экспертного сообщества ветеранских организаций выпускников СВУ и НВМУ (N = 12, 2013 г.). Общую позицию в отношении преподавателей и воспитателей, сроков обучения определяет А. Владимиров, Президент Коллегии военных экспертов: «Кадровый ресурс специализированных военно-учебных заведений - специально подобранный контингент преподавателей и офицеров-воспитателей, каждый из которых должен иметь обязательное высшее образование, знать иностранный язык, быть способным и желать работать с детьми, иметь собственную благополучную семью, любить детей... Формировать национальную военную элиту необходимо с детского возраста, поэтому 7 летний срок обучения наиболее предпочтителен...» [4].

Таким образом, большинство респондентов по вопросу замещения должностей преподавателей, воспитателей и командования отдают предпочтение офицерам запаса, а срок учебы определяют в 7 лет.

Вместе с тем опрос суворовцев выпускного курса Московского СВУ (N = 45, 2013 г), показывает, что, принимая 7-ми летний срок обучения (отражается в общей удовлетворенности учебой в СВУ на протяжении всего периода обучения), около половины респондентов хотели бы видеть офицерами-воспитателями кадровых военных. Это говорит о том, что система отбора на эти должности нуждается в коррекции.

Полученные эмпирические показатели подтверждают состоятельность предпринимаемых новаций по изменению штатной структуры специализированных военно-учебных заведений, которая с позиций неoinституционализма выстраивает набор институциональных правил профессиональной социализации будущих офицеров с учетом возрастных особенностей обучающихся [5; 6; 7].

Изменения в структуре СВУ, НВМУ и КК с 2012 года представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Общая организационная структура среднего специализированного военно-учебного заведения

Такая структура, по мнению экспертов-представителей командования Московского, Уссурийского СВУ и Нахимовского ВМУ (N = 14, 2013 г.), в целом обеспечивает единство цели и результата профессиональной социализации будущих офицеров. Вместе с тем респонденты отмечают ряд проблем:

«- системы переподготовки воспитателей и преподавателей специализированных военно-учебных заведений, налаженной Министерством обороны РФ нет. Каждый «выкручивается» как может...;

- обязанности старшины выполняет один из младших воспитателей, этот вопрос законно не решен, так как обязанности младшего воспитателя по квалификационному справочнику не соответствуют выполняемой работе;

- наличие в каждом классе двух воспитателей тоже спорный вопрос, пусть будет один воспитатель, другой младший воспитатель (ночной), при выполнении разных обязанностей и разной ответственности у них одинаковая зарплата, у ночных еще и больше;

- что касается структуры роты, то на разных курсах она немного отличается, так на младших есть младшие воспитатели и педагоги-организаторы, в 10–11 классах этого уже нет».

Педагог-организатор также необходим и в старших классах, поскольку, как показало исследование ценностно-ориентированная организация досуга – одна из насущных проблем современных суворовских (кадетских) училищ.

Организация учебного и воспитательного процессов в среднем специализированном военно-учебном заведении предполагает особое внимание органов управления (командования, преподавателей и офицеров-воспитателей) трем основным механизмам регулирования социального поведения воспитанника: отбора, предписывания и контроля.

О важности отбора в военно-учебные заведения говорят данные о поступлении воспитанников в высшие военно-учебные заведения всех силовых структур. Иллюстрацией может служить статистика Уссурийского СВУ по поступлению суворовцев в военные вузы в «благоприятные» годы, когда набор осуществлялся в более чем в 100 учебных заведениях (см. таблица 1) [8, с. 282].

Более 70 % выпускников из года в год поступали в высшие военно-учебные заведения силовых ведомств, т.е. до 2010 механизм отбора можно назвать вполне эффективным.

Таблица 1

Данные о поступлении выпускников Уссурийского СВУ в высшие военно-учебные заведения (в том числе МВД, МЧС, ФСБ, ФСО)

Годы	Направлено (чел)	Поступило	
		(чел)	(%)
2001	186	132	71
2002	170	127	75
2003	200	156	78
2004	186	147	79
2005	175	130	74
2006	202	155	77

Негативная динамика 2010 и 2011 года не говорит о том, что механизм отбора не эффективен, а лишь подтверждает несостоятельность решений о паузе в наборе в высшие военно-учебные заведения.

С другой стороны, о качественном отборе в настоящий момент времени речь не идет, поскольку с 2010 года во всех училищах и корпусах возраст поступающих 10–11 лет. Становятся они суворовцами (кадетами) или нахимовцами и отчисляются только по заявлению родителей или лиц их замещающих. Таким образом, выбор воспитанников не всегда осознан. Поэтому и достаточно велик процент отчислений после первого года учебы. Так, из 80 поступивших в Уссурийское СВУ в 2010 году, к концу учебного года 8 воспитанников покинули училище, в Московском СВУ в 2013 году на выпускном курсе 51 воспитанник (поступало 80 человек). Как показал опрос суворовцев выпускного курса Московского СВУ (N = 45, 2013 г) 11 % респондентов за полгода до выпуска не желают продолжать учебу в военном вузе. Тем самым в структуре личности этой части воспитанников закрепился демонстративный тезаурус по отношению к процессу их профессиональной социализации как будущих офицеров.

Подобную ситуацию в свое время описал выпускник Пажеского корпуса царской России впоследствии советский военный атташе во Франции А. Игнатьев: «У каждого кадета было два мира: один – внутренний, связанный с семьей, которым он в корпусе ни с кем делиться не мог, и другой – внешний, временный, кадетский мир, с которым каждый мечтал поскорее покончить...» [9, с. 53].

Тем не менее, Московское СВУ определяется как модель – ориентир, близкий к образцу среди подобных учебных заведений. Этот вывод подтверждается личными наблюдениями, мнением интервьюируемых и экспертными оценками. Московское СВУ обладает наиболее полным набором вещественных и духовных элементов, лучшим кадровым ресурсом. Училище представляет собой образовательный комплекс, созданный и отстроенный по инициативе бывшего министра обороны РФ П. Грачева: просторные казармы с душевыми кабинами, оборудованные классы для занятий и самоподготовки с выходом в Интернет, лаборатории и производственные мастерские, бассейн, церковь, клуб, спортивные и танцевальные залы, стадион, банно-прачечный комбинат, парикмахерская, столовая, библиотека, стационарный летний полевой лагерь. Каждый воспитанник обеспечен ноутбуком и даже гражданской формой одеждой. Находясь на полном государственном обеспечении, денежное довольствие составляет 1 тыс. рублей. Кадровый ресурс – лучшие педагоги Москвы, начальник училища – генерал, профессор, доктор наук. Столичное училище предоставляет своим воспитанникам всю культурную инфраструктуры города (театры, музеи, картинные и художественные галереи и т. п.).

Результативность и действенность механизмов предписывания и контроля в суворовско-нахимовской модели профессиональной социализации определяется риторикой респондентов при ответе на вопрос «Как повлияло СВУ на Вашу профессиональную судьбу?». Подавляющее большинство (до 95 %) опрошенных в 2012–2013 гг. выпускников Суворовских военных училищ (N = 123), Нахимовского ВМУ (N = 18) и Кадетских корпусов

(N = 6) 2013 г.) выразили следующие суждения, оцененные ими по 5-ти бальной шкале в значениях близких к максимальным: «без труда поступил в вуз» «стал хорошим руководителем» «научился дисциплине и порядку»; «научился жить в коллективе», «стал хорошим офицером»; «обеспечило карьерный рост»; «хорошо устроился на гражданке». Это те качества, которые можно определить как модальные для военных и представителей любой другой сферы профессиональной деятельности.

Авторские исследования и вторичная социологическая информации, полученная из экспертных оценок сообщества ветеранских организаций выпускников СВУ и НВМУ «Кадетское воспитание и образование, предложения, концепции, документы...» (N = 12, 2013 г.) позволяет заключить, что существующая модель специализированного военного образования признается вполне состоятельной. Вместе с тем, выполняя важнейшую социальную функцию – предоставление возможности детям военнослужащих получить качественное среднее общее образование, такая модель не предполагает систему социальных преференций выпускникам, что отмечает подавляющее большинство экспертов из числа ветеранов, действующей администрации и интервьюеров учебных заведений.

В социальных сетях Интернет в год 70-летия образования СВУ развернулась дискуссия по поводу роли и места специализированных военно-учебных заведений в системе кадетского образования современной России. Один из активных участников такой полемики В. Левченко, выпускник Казанского СВУ приводит следующие доводы:

«...Суворовские военные и нахимовское военно-морское училища готовили своих воспитанников к непосредственной военной службе – сразу по прибытии в ВВУЗ принималась присяга, и суворовец-нахимовец становился полноправным военнослужащим. Выпускник т. н. кадетского корпуса сразу после его окончания ни на какую государственную службу принят быть не может по определению... Нас готовили к военной службе. О патриотизме не говорили, это было само собой разумеющимся. Нас учили принимать решения и отвечать за них (сегодняшняя школа учит угадывать решения – ЕГЭ)... Нас учили быть командой и в команде, воспитывали в постоянной взаимопомощи, а не в индивидуальной цели «карьерно-социального лифтинга»... Наставляли к будущей жизни, как и где лучше реализовать в будущей военной профессии. Офицеры–воспитатели о военной жизни знали не по книжкам и реально помогали нам сориентироваться в ней. Нас учили беречь честь свою личную и своего подразделения. На опыте понять психологию человека, тебе подобного, и все это для того, чтобы по выпуску умело возглавить группу однокашников в высшем военно-учебном заведении. Где готовят таких лидеров? Высококачественное общее образование в СВУ и НВМУ было само собой разумеющимся...Главной «инновацией кадетского образования» сегодня является усиленное педалирование лозунгов-слоганов: кадетское образование готовит высоко подготовленных выпускников к государственной (иногда и снисходительно добавляют, в том числе к военной) службе» [10].

Рефлексия экспертного сообщества относительно места и роли специализированного военного образования в структуре кадетского образования в авторской интерпретации представлена на рисунке 3.

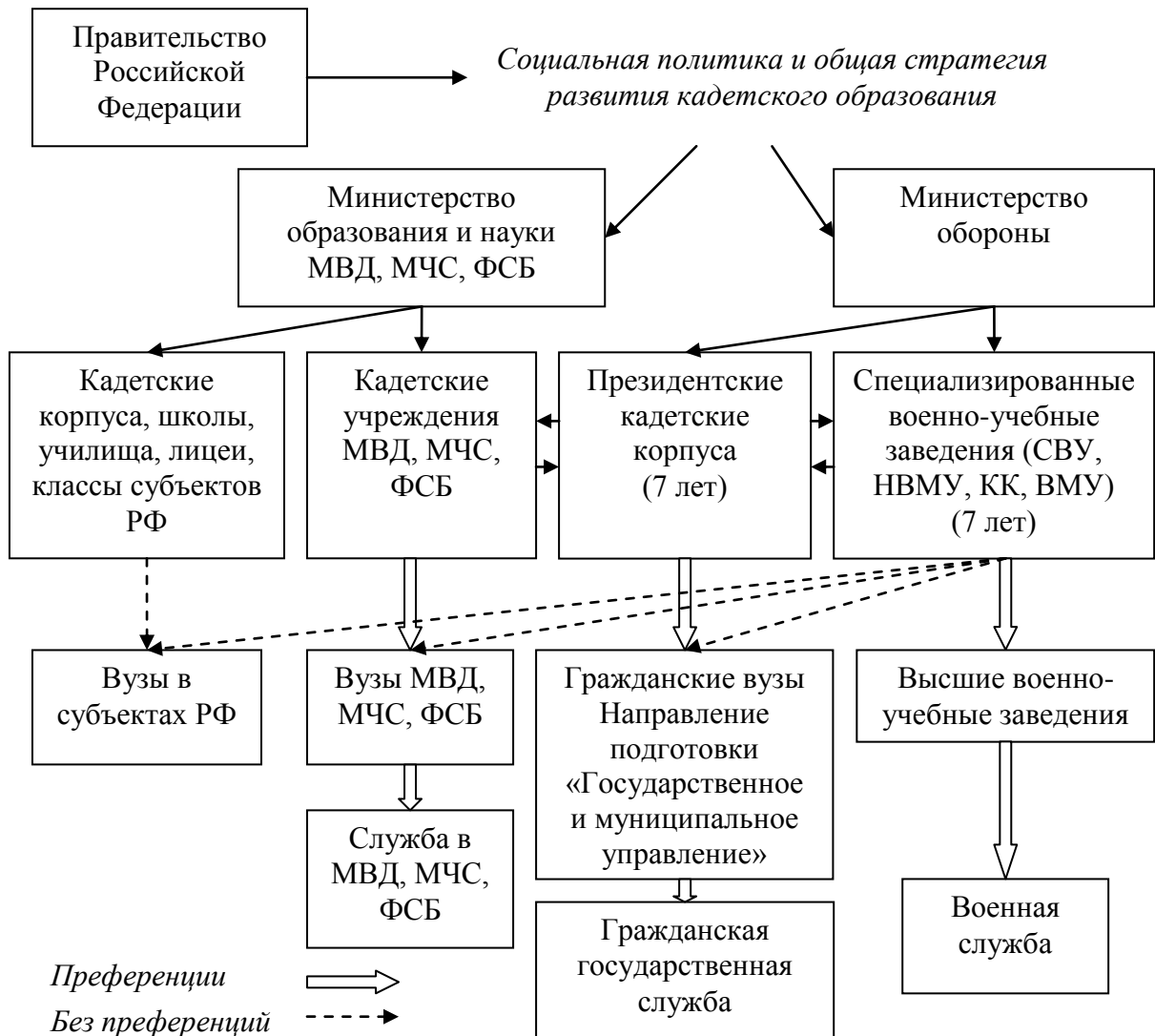

Рис. 3. Роль и место специализированного военного образования в структуре кадетского образования и социальной политике государства

Перспективы функционирования специализированного военного образования, закрепляющие ее в структуре кадетского образования и статуирующие выпускников, как социальную общность в структуре российского общества концептуально обосновываются, эмпирически подтверждается и формулируются следующим образом:

1) Выделение преференций (формально закрепленных социальных гарантий) выпускникам при поступлении в высшие военно-учебные заведения, согласно разнарядки Министерства обороны.

2) Статуирование в системе кадетского образования военного блока, который предполагает профессиональную социализацию, начиная с младшего подросткового возраста (с 5 класса).

3) Воспитанникам Президентских кадетских корпусов, имеющих предрасположенность к военной службе предоставление права поступать в специализированные военно-учебные заведения после 8 класса; выбравшим в качестве дальнейшего профессионального маршрута карьеру полицейского, спасателя, пограничника, агента служб безопасности – в кадетские учреждения МВД, МЧС, ФСБ. Выпускникам предоставляется преференция при поступлении во все ФГОУ ВПО по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление».

4) Выпускники кадетских учреждений в субъектах РФ поступают в вузы на общих основаниях, или по решению правительства субъектов (при наличии квот или финансировании за счет бюджетов) могут получить право поступления в гражданские вузы на льготных основаниях.

Тем самым через систему предоставляемых преференций в социальной политике современное общество формально закрепит в своей структуре социально-групповую профессиональную общность «выпускники специализированных военно-учебных заведений».

Кроме того, такая политика нуждается в подкреплении комплексной программой воспитания будущих офицеров и внесения, тем самым, элементов социальных технологий в процесс профессиональной социализации будущих офицеров [10].

В основу подобной комплексной программы могут быть положены традиционные для русского и советского офицерства духовно-нравственные ценности, нормы и принципы воспитания [11], в которых находит свое подтверждение формула создания, трансляции и закрепления культурных практик – уравнивать старые нормы, ценности и традиции, подтягивая к ним новые креативные культурные практики.

Процесс профессиональной социализации будущих офицеров разворачивается в гуманитарной среде специализированного военно-учебного заведения, которая охватывает всю структуру образовательного учреждения и совокупность его взаимосвязей с внешней социокультурной средой на трех интегративно взаимосвязанных уровнях.

Первый уровень – социальный, устанавливающий внешние институциональные связи на принципе открытости реализуемых образовательных стратегий и социальной политики в сфере военного образования, учитывающей реальные ресурсные возможности образовательного учреждения и потребности армии в профессиональных кадрах;

Второй уровень – организационный, который обеспечивает управляемость и целенаправленность учебно-воспитательного процесса, отбор и создание технологий профориентационной направленности с учетом возрастных особенностей воспитанников.

Третий уровень – личностный, соответствующий фактору самоопределяющейся личности и предполагающий ее саморазвитие, инициативу, самостоятельность, коммуникативные и лидерские качества.

Использование синергетических законов позволяют методологически усилить процесс профессиональной социализации в образовательной среде специализированного военно-учебного заведения, придав ей законченный вид посредством реализации следующих принципов:

- центр профориентационной работы – личность воспитанника;
- воспитанник и воспитатель – самоорганизующиеся, открытые, нелинейные системы, стремящиеся к развитию и самосовершенствованию;
- дивидуальная стратегия для каждого воспитанника по его профессиональному самоопределению;
- активность, диалогичность, самостоятельность, инициатива, творчество [12].

Заключение

Таким образом, стратегия профессиональной социализации в перспективной модели специализированного военно-учебного заведения подкреплена ее реализацией в социальной политике, обеспечивает возникновение новых качеств личности будущего офицера: целостности и согласованности, адекватности ее поведения происходящему, что и определяется как нелинейная внутриличностная (когнитивная и аксиологическая) среда человека XXI века.

Примечания:

1. Кибаквич Г.А. Роль социальных институтов образования в воспроизводстве военных специалистов: Автореф. дис... докт. социолог. наук. Уфа, 1995.
2. Сорокин П.А. Система социологии. Социальная аналитика: учение о строении простейшего социального явления от простого к сложному. Пг.: Колос, 1920. Т. 1.
3. Бунтман С. Военный совет: Нахимовскому военно-морскому и Суворовскому военным училищам 70 лет. Опыт становления и развития» // Радиостанция «Эхо Москвы».

2013. 4 мая 9. Абрамов А. П. Социокультурная трансформация личности в условиях реформирования системы средних специализированных военно-учебных заведений: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013.

4. Владимиров А. Кадетское воспитание и образование, предложения, концепции, документы. URL: <http://www.ruscadet.ru>. (дата обращения 10.08.2013).

5. Бурдые П. Начала / пер с фр. Н.А. Шматок. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

6. Капелюшников Р.И. Неоинституционализм. URL: <http://www.libertarium.ru/kapelushnikov> (дата обращения 2.04.2015).

7. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002. С. 45-64.

8. Абрамов А.П. Социокультурная трансформация личности в условиях реформирования системы средних специализированных военно-учебных заведений: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. 340 с.

9. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т.1. Молотов: Молотовское обл. гос. изд-во, 1951. 592 с.

10. Левченко В. Чем отличается суворовско-нахимовская кадетская школа от «кадетского образования». URL: <http://www.ruscadet.ru> (дата обращения 2.09.2013).

11. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.7. Норт Д. Институты, интитуциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. 368 с.

12. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.

13. Flood R. L., Carson E.R. Dealing with complexity. An Introduction to the Theory and Application of Systems Science. N.Y.: Plenum, 1993. 318 p.

14. Luhmann N. Essays on self-reference. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990. 412 p.

References:

1. Kibakovich G.A. Rol' sotsial'nykh institutov obrazovaniya v vosproizvodstve voennykh spetsialistov: Avtoref. dis... dokt. sotsiolog. nauk. Ufa, 1995.

2. Sorokin P.A. Sistema sotsiologii. Sotsial'naya analitika: uchenie o stroenii prosteishogo sotsial'nogo yavleniya ot prostogo k slozhnomu. Pg.: Kolos, 1920. T. 1.

3. Buntman S. Voennyi soviet: Nakhimovskomu voenno-morskому i Suvorovskomu voennym uchilishcham 70 let. Opyt stanovleniya i razvitiya» // Radiostantsiya «Ekho Moskvyy». 2013. 4 мая 9. Abramov A. P. Sotsiokul'turnaya transformatsiya lichnosti v usloviyakh reformirovaniya sistemy srednikh spetsializirovannykh voenno-uchebnykh zavedenii: monografiya. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t, 2013.

4. Vladimirov A. Kadetskoe vospitanie i obrazovanie, predlozheniya, kontseptsii, dokumenty. URL: <http://www.ruscadet.ru>. (data obrashcheniya 10.08.2013).

5. Burd'e P. Nachala / per s fr. N.A. Shmatok. M.: Socio-Logos, 1994. 288 s.

6. Kapelyushnikov R.I. Neoinstitutsionalizm. URL: <http://www.libertarium.ru/kapelushnikov> (data obrashcheniya 2.04.2015).

7. Fligstin N. Polya, vlast' i sotsial'nye navyki: kriticheskii analiz novykh institutsional'nykh techenii // Ekonomicheskaya sotsiologiya: novye podkhody k institutsional'nomu i setevomu analizu. M.: ROSSPEN, 2002. S. 45-64.

8. Abramov A.P. Sotsiokul'turnaya transformatsiya lichnosti v usloviyakh reformirovaniya sistemy srednikh spetsializirovannykh voenno-uchebnykh zavedenii: monografiya. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t, 2013. 340 s.

9. Ignat'ev A. A. Pyat'desyat let v stroyu. T.1. Molotov: Molotovskoe obl. gos. izd-vo, 1951. 592 s.

10. Levchenko V. Chem otlichaetsya suvorovsko-nakhimovskaya kadetskaya shkola ot «kadetskogo obrazovaniya». URL: <http://www.ruscadet.ru> (data obrashcheniya 2.09.2013).

11. Volkov S.V. Russkii ofiterskii korpus. M.: Voениzdat, 1993.7. Nort D. Instituty, intsitutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki / Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B. Z. Mil'nera. M.: Fond ekonomicheskoi knigi Nachala, 1997. 368 s.

12. Budanov V.G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoj nauke i v obrazovanii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 232 s.
13. Flood R. L., Carson E.R. Dealing with complexity. An Introduction to the Theory and Application of Systems Science. N.Y.: Plenum, 1993. 318 r.
14. Luhmann N. Essays on self-reference. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990. 412 p.

УДК 316.354:355.1

Перспективная модель специализированного военного образования в эмпирических характеристиках

Александр Петрович Абрамов

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Аннотация. На основе данных социологических опросов и интервью с воспитанниками, выпускниками кадетских корпусов Министерства обороны РФ, суворовских военных, нахимовского военного морского училищ и экспертами в 2002–2013 гг. разработан теоретический конструкт перспективной модели среднего специализированного военного образования, концептуально и эмпирически обосновано его место и роль в структуре кадетского образования современной России.

Ключевые слова: социологическая модель, профессиональная социализация, будущий офицер, воспитанник, специализированное военное образование.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 Vol. 8, Is. 2, pp. 72-83, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.72
www.ejournal6.com

UDC 947.0

First Battle of Kharkov (7–26 October 1941)

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Social-Economic Research and Humanities, Russian Federation
 Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
 41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
 E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

Kharkov to the beginning of the Great Patriotic War was the largest industrial centre of the Ukrainian SSR, a powerful military industry and the second (after Moscow) transport hub. In the fall of 1941 in Kharkov were evacuated from Kiev party-political structure of the USSR, the city was the headquarters of the county and was deployed a large mobilization centre. The defence of the first capital of Soviet Ukraine in October, was ineffective and the enemy seized the city is relatively easy. About how and why it happened, says the article.

Keywords: The Great Patriotic War, the South-Western Front, the defense of Kharkov in October 1941.

В начале XX века Харьков превратился в индустриальный центр и также стал крупнейшим транспортным транзитным узлом. В период с 1917 по 1934 годы Харьков являлся столицей УССР. В годы первых пятилеток в городе и области было построены десятки промышленных предприятий всесоюзного значения. К 1940 году Харьков был четвертым по величине городом в СССР, с развитой индустриальной, военно-промышленной и транспортной инфраструктурой. В Харьковском промышленном районе работало свыше 1250 заводов и фабрик [1], а в самом городе сосредоточено несколько стратегических предприятий: ХПЗ им Коминтерна — крупнейший в СССР завод по производству танков (около 80 % выпускаемых в стране Т-34), единственное в стране предприятие по производству дизельных двигателей для танков и артиллерийских тягачей. Завод также выпускал паровозы и артиллерийские тягачи «Коминтерн» и «Ворошиловец». Харьковский авиазавод — ведущее предприятие по производству бомбардировщика Су-2. Харьковский тракторный завод — крупнейшее в СССР предприятие по производству гусеничных и колёсных тракторов. Харьковский комбинат НКВД — созданное на базе Детской коммуны им. Ф.Э. Дзержинского предприятие специализировалось на выпуске оптических прицелов для снайперских винтовок и авиационной оптики. Каждый третий выпускаемый в 1941 году снайперский прицел был произведён на харьковском комбинате. С началом войны на выпуск военной продукции были переориентированы все предприятия харьковской промышленности. Ассортимент продукции включал миномёты 82-мм и 120-мм, пистолеты-пулемёты ПППШ, боеприпасы всех видов и различное военное снаряжение. Харьков являлся и крупным научным центром. К июню 1941 г. в нем было 70 научно-

исследовательских институтов, конструкторских бюро и лабораторий различного профиля. Конструкторское бюро ХПЗ им. Коминтерна являлось ведущим в области танкостроения, институт «Гипросталь» был генеральным проектировщиком 45 металлургических заводов, Украинским физико-техническим институтом велись исследования в области ядерной физики. В 1940 году специалистами института подана заявка на изобретение атомной бомбы, а также методов обогащения урана.

Являясь крупнейшим транспортным узлом Украины, город обладал высокой концентрацией населения и мощным мобилизационным ресурсом, в нем располагался штаб Харьковского военного округа (ХВО). Осенью 1941 года в состав округа входили Харьковская, Сталинская, Ворошиловградская и Сумская области, в которых до войны проживало около 30 % населения УССР. С июня по ноябрь 1941 года на территории округа было мобилизовано более 900 000 человек, из них в период сентября-ноября – около 300 000. Округ был и крупным центром по подготовке командных кадров и военных специалистов. В Харьковском военном округе действовали Интендантская академия РККА и 12 военных училищ. После потери Киева в Харьков также были эвакуированы высшие партийные и государственные органы УССР. Осенью 1941 года Харьков являлся крупнейшим стратегическим узлом железных, автомобильных дорог и воздушных путей сообщения. По своей значимости харьковский транспортный узел был равен московскому. Через Харьков проходила железнодорожная магистраль, связывавшая центральные районы СССР с Крымом, Кавказом, Приднепровьем и Донбассом. Аэродромная сеть состояла из стационарных и полевых аэродромов. Автодорожная сеть была развита, но преобладали грунтовые дороги. Шоссе государственного значения – трасса Москва-Курск-Харьков – являлось рокадным (проходящим параллельно линии фронта) и обеспечивало войскам возможность манёвра вдоль фронта.

Особое значение Харьковскому промышленному району придавало высшее руководство Германии. На совещаниях в августе-сентябре 1941 года А. Гитлер несколько раз подчёркивал важность промышленного потенциала Харькова: «На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских» [2]. С конца июля 1941 года Харьков и станции Харьковского железнодорожного узла подвергались массированным авианалётам люфтваффе. Основными целями являлись железнодорожные станции и военные объекты, жилые районы города и склады готовой продукции оборонных предприятий. Сами заводы ударам не подвергались – немцы стремились сохранить производственную базу промышленного района с целью её дальнейшего использования. Большое значение также придавалось Харькову как транспортному узлу, контролировавшему стратегическое направление Москва-Кавказ. Обладание этим узлом давало возможность блокировать кратчайший путь подвоза кавказской нефти, а также использовать его для подготовки наступления к нефтеносным районам Кавказа. Близость к богатым сельскохозяйственным районам делала Харьков центром сосредоточения продовольственных ресурсов при планировавшейся отправке продовольствия в Германию. Согласно директиве ОКВ № 34, основной удар немецкие войска группы армий «Юг» наносили с целью: овладения Крымом, промышленными и угольными районами Харькова и Донбасса и для блокирования подвоза нефти с Кавказа. Главные силы 1-й танковой и 11-й армий вермахта перегруппировывались для наступления в полосе Южного фронта, как и основные силы 17-й полевой армии. Планом предусматривалось нанесение сходящихся ударов из районов Краснограда и Перекопского перешейка с целью окружения и разгрома советских войск в районе Мелитополя и дальнейшим захватом Крыма и Донбасса. Для наступления на сумско-харьковском направлении предназначалась 6-я армия генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау. Поддержку 6-й армии должна была оказывать часть сил 17-й армии. Нанося фронтальные удары, немецкие войска стремились овладеть Харьковом, третьим по величине индустриальным центром СССР. Кроме того, своим наступлением 6-я полевая армия должна была обеспечить фланги наступавших в расходящихся направлениях войск группы армий «Центр» и группы армий «Юг» [3].

Маршал С.К.Тимошенко и Военный совет Юго-Западного фронта планировало свои действия исходя из директивы Ставки ВГК №002374 о переходе войск Юго-Западного

фронта к обороне с целью предотвращения захвата противником Харьковского промышленного района и Донбасса [4]. В соответствии с этим 21-й и 38-й армиями прикрывалось харьковское направление, а 40-й армией — сумское. 6-й советской армии было поручено ликвидировать «красноградский выступ» противника, 38-й армии, самой крупной по составу и численности из войск фронта, ставилась задача непосредственной обороны Харькова. В самом городе силами гарнизона и привлечённых местных жителей были подготовлены оборонительные позиции, позволявшие вести круговую оборону. Одновременно в Харьковском промышленном районе проводились масштабные эвакуационные мероприятия. Еще 16 сентября 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР издал постановления: № 681 «Об эвакуации предприятий Харькова и Харьковской области» и № 685 «Об эвакуации женщин и детей из Харькова», а также утвердил график и план эвакуации предприятий и населения Харькова и Харьковской области. На переброску промышленности, сельского хозяйства и населения отводилось меньше месяца. Первой была начата эвакуация крупнейших стратегических предприятий: тракторного, паровозостроительного и авиационного заводов. ХПЗ перебрасывался в Челябинск, ХТЗ перебрасывался в Сталинград, а ХАЗ — в Пермь. К 20 октября 1941 года эвакуация промышленных объектов была практически завершена — из Харькова в тыл было отправлено 320 эшелонов с оборудованием 70 крупных заводов, был полностью вывезен подвижной состав Южной железной дороги. Эвакуация сельского хозяйства области также была проведена успешно: за пределы области выведено более 95 % механизированного парка, до 90 % поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Наиболее остро стояла проблема эвакуации городского населения. В первую очередь организовано эвакуировались партийные и управленческие кадры, специалисты, квалифицированные рабочие, научные и медицинские работники, а также члены их семей. Эвакуация еврейской части населения централизованно не проводилась, тем не менее, к моменту оккупации город покинуло более 90 % евреев [5]. Всего к 20 октября 1941 года из Харькова было эвакуировано 56 санитарных поездов и 225 эшелонов с людьми [6]. Небольшому числу жителей удалось покинуть Харьков вместе с отступавшими войсками попутным автомобильным и гужевым транспортом. 26 сентября 1941 года в ГКО СССР было принято решение о проведении в Харькове и области целого ряда специальных мероприятий по выведению из строя предприятий, железнодорожных узлов и узлов связи, мостов, путепроводов, электростанций и прочих важнейших объектов городского хозяйства путём подрыва, поджога и минирования. 27 сентября 1941 года данная задача была поставлена Генштабом перед полковником инженерных войск И.Г. Стариновым. Для её выполнения Стариновым была сформирована оперативно-инженерная группа.

По прибытии в Харьков на Илью Григорьевича было возложено руководство всеми минно-взрывными работами в полосе Юго-Западного фронта, включая создание Харьковского узла заграждений и минирование оборонительных рубежей. В подчинение полковника поступили пять батальонов инженерных войск, подразделения трёх железнодорожных бригад, пять отдельных огнеметных рот. Штабом фронта было выделено более 110 тонн взрывчатки, а также более 30 000 противотанковых и противопехотных мин. Предполагалось использовать радиоуправляемые мины и мины с взрывателями замедленного действия. Для этого на предприятиях Харькова было организовано производство корпусов объектных и противотранспортных мин (изготовлено 6000 штук), мин-ловушек (2000 штук) и вспомогательного оборудования. Контроль за этой операцией осуществлял член Военного Совета Юго-Западного фронта, Первый секретарь ЦК КП (б) Украины Н. С. Хрущёв. В районе Харькова было установлено свыше 30 000 противотанковых и противопехотных мин, около 2000 мин замедленного действия, около 1000 мин-ловушек и свыше 5 000 ложных мин. Минирование проводилось на мостах, автомобильных дорогах и железнодорожных перегонах на направлениях: Красноград—Харьков, Полтава—Харьков, Богодухов—Харьков, Харьков—Белгород, Сумы—Белгород. Были заминированы ангары, аэродромные сооружения и взлётно-посадочные полосы всех прилегающих к городу аэродромов. Непосредственно в городе были заминированы, а впоследствии взорваны центральная телефонная станция, электростанции, водопроводные и канализационные сети, городская система центрального отопления, путевое и диспетчерское хозяйство станций Харьковского железнодорожного узла. Были разрушены

цеха и помещения всех крупных предприятий города, а недемонтированное оборудование было испорчено либо заминировано. С использованием радиоуправляемых мин были также заминированы Холодногорский и Усовский путепроводы, железнодорожный мост, несколько особняков в центре Харькова (как места предполагаемой дислокации немецких штабов), а в самом городе установлено свыше 350 мин замедленного действия и мин-ловушек. В результате Харьков был лишён стратегического значения как крупнейший промышленный и транспортный центр, и подготовлен к сдаче противнику с разрушенной производственной, городской и транспортной инфраструктурой.

На 7 октября 1941 года в состав гарнизона города Харькова входили: 216-я стрелковая дивизия; 57-я стрелковая бригада НКВД по охране особо важных предприятий промышленности; Харьковский полк народного ополчения; 21-й и 68-й отдельные батальоны местных стрелковых войск; отдельный противотанковый отряд (из состава 23-го запасного танкового полка); 49-й отдельный батальон МПВО¹ НКВД; 197-й отдельный инженерный батальон Харьковского военного округа; 21-я, 22-я, 23-я, 24-я и 25-я отдельные огнеметные роты. Всего – около 20 000 бойцов и командиров [7]. 15 октября в штаб обороны Харькова поступила из штаба фронта директива Ставки ВГК. Вот ее текст: «ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 00301 ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОТХОДА. 15 октября 1941 г. 14 ч. 40 мин. В целях планомерного отхода на восток для сохранения армии Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: Юго-Западному фронту с 17 октября начать отход частью сил фронта на линию КАСТОРНОЕ, СТАР. ОСКОЛ, НОВ. ОСКОЛ, ВАЛУЙКИ, КУПЯНСК, ЛИМАН, закончив его к 30 октября с. г. Юго-Западному фронту с выходом на линию КАСТОРНОЕ, КУПЯНСК, ЛИМАН вывести в резерв не менее шести стрелковых дивизий и двух кавалерийских корпусов.

Южному фронту, в соответствии с отходом Юго-Западного фронта, отводить свою правифланговую армию на фронт ЛИМАН, ГОРЛОВКА, оставляя свои левофланговые армии (18-ю и 9-ю армии) на занимаемом ныне фронте. К 30 октября Южному фронту закрепиться на фронте ЛИМАН, АРТЕМОВСК, ГОРЛОВКА, МАТВЕЕВ КУРГАН, р. МИУС до устья и далее по ЛИМАНУ – по его восточному берегу. Южному фронту с выходом на линию ЛИМАН, ГОРЛОВКА, МАТВЕЕВ КУРГАН, ЛАКЕДЕМОНОВКА вывести во фронтовой резерв не менее трех стрелковых дивизий.

Разграничительные линии: а) между Брянским и Юго-Западным фронтом – СУДЖА, МЕДВЕНКА, ТИМ, КАСТОРНОЕ, СТАРАЯ ГРАФСКАЯ, все для Юго-Западного фронта включительно; б) между Юго-Западным и Южным фронтами – ДОБРОПОЛЬЕ, СЛАВЯНСК, ЛИМАН, ЛИСИЧАНСК, ЧЕРТКОВО, все для Юго-Западного фронта включительно.

С 20 часов 16 октября Южный фронт подчиняется главнокомандующему Юго-Западного направления и командующему Юго-Западному фронту. Получение подтвердить и исполнение донести. Ставка Верховного Главнокомандования И. СТАЛИН, Б. ШАПОШНИКОВ». [8].

Таким образом, Ставка ВГК, принимая решение на отход войск Юго-Западного и Южного фронтов, рассчитывала не только перейти к жесткой и упорной обороне на указанном рубеже, но и предполагала, значительно сократив протяженность фронта, высвободить значительную часть сил для создания сильного резерва. Это означало, что войска ЮЗФ не только должны были отступить на восток от 80 до 200 километров, но и оставить Харьков, Белгород, Донецкий промышленный район. Решение Ставки ВГК было продиктовано негативной оперативной обстановкой, сложившейся на флангах Юго-Западного фронта: противник глубоко вклинился в оборону Брянского и Южного фронтов. В момент, когда 38-я армия занимала оборону в 50–60 км западнее Харькова, немецкие танки и мотопехота, действовавшие севернее, захватили Орел и Мценск, а южнее – подошли к Таганрогу. То есть, противник находился за «спиной наших войск» в 60–170 км, что могло привести к катастрофическим последствиям наподобие киевскому окружению. Командующий фронтом маршал С.К. Тимошенко вызвал в Харьков на Военный совет командующих армиями и командиров 2-го и 5-го кавалерийских корпусов, всех начальников родов войск и служб, а также начальников основных отделов штаба фронта.

¹ Местная противовоздушная оборона.

Редкий случай, но на совет не были приглашены члены Военных советов армий. Поздним вечером 15 октября 1941 года в здании штаба фронта (улица Ворошилова, 40) начался Военный совет. Новый начальник штаба фронта генерал-майор П.И. Бодин, сменивший 13 октября в этой должности генерал-майора А.П. Покровского, зачитал директиву Ставки ВГК, кратко оценил оперативно-стратегическую обстановку, уделив особое внимание положению соседей. Затем Маршал С.К. Тимошенко довел свое решение до присутствующих и назвал промежуточные рубежи отхода, которые необходимо было занять войскам в указанные им сроки.

Личный состав Харьковского гарнизона, жители города в это время продолжали работу по подготовке к обороне. Учитывая большие возможности города по выработке электроэнергии, а также его мощную промышленность, было принято решение об использовании на ряде участков обороны проволочной сети под напряжением. Электрифицированный участок проволочного ограждения, протяженностью 12 км, был подготовлен на рубеже: поселок Красный Октябрь, Залютин Яр, Залутино, Григорьевка, Минутка. Но использовать электрифицированное ограждение, к сожалению, так и не удалось. С подходом противника к городу, городская электростанция была взорвана, в результате чего Харьков остался без света, воды и телефонной связи, а электрифицированный участок проволочного ограждения без питания. Многодневная работа большого количества специалистов и местных жителей, трудившихся над его созданием и оборудованием в течение месяца, попросту пропала даром. Активное участие в сооружении инженерных ограждений, отрывке траншей, окопов, противотанковых рвов, огневых позиций для артиллерии приняли трудящиеся города и населенных пунктов области. Штабом обороны города Харькова во главе с генерал-майором И.И. Маршалковым, при непосредственном участии офицеров штаба 38-й армии и Юго-Западного фронта, был разработан подробный план обороны города. В основу плана был положен принцип круговой обороны. В соответствии с планом обороны, Харьков был поделен на шесть секторов обороны: Дзержинский, Ленинский, Червонобаварский, Червонозаводской, Сталинский, Октябрьский и один отдельно выделенный район — ХТЗ. Первые четыре сектора надлежало оборонять 216-й стрелковой дивизии, усиленной противотанковым отрядом, 1-м батальоном Харьковского полка народного ополчения, 21-й, 22-й, 23-й и 24-й отдельными огнеметными ротами. Сталинский сектор обороны должны были оборонять 68-й и 21-й батальоны МСВ¹, а также 25-я отдельная огнеметная рота. Начальником обороны сектора был назначен командир 68-го батальона МСВ майор П.С. Паршин. 49-й отдельный батальон МПВО НКВД майора Н. Н. Бабича получил задачу оборонять Октябрьский (центральный) район. Оборона района ХТЗ была поручена 57-й стрелковой бригаде войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности под командованием полковника М.Г. Соколова. Батарей 656-го артиллерийского полка 216-й дивизии и 764-го артиллерийского противотанкового полка была поставлена задача: не допустить сосредоточения пехоты и танков противника в районах восточнее, северо-восточнее и юго-восточнее Харькова, и определены танкоопасные направления. Во второй половине дня 18 октября генерал-майор В.В. Цыганов вызвал в штаб 38-й армии, располагавшийся на юго-западной окраине города Мерёфы, начальника гарнизона города Харькова генерал-майора И.И. Маршалкова и командира 216-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макшанова. Командующий заслушал их доклады по эвакуации жителей и материальных ценностей Харькова, о подготовке города к обороне и устранении недостатков, которые были выявлены в ходе двухдневной работы Цыганова в частях гарнизона. После чего командарм ознакомил И.И. Маршалкова и Д.Ф. Макшанова с обстановкой, сложившейся на подступах к Харькову и определил задачи, к выполнению которых они, и подчиненные им войска, должны были быть готовы. Оперативная обстановка, сложившаяся в стыке с 21-й армией и непосредственно на правом фланге обороны 38-й армии к полудню 19 октября, после отхода частей 212-й стрелковой дивизии, встревожила генерала В. В. Цыганова. Во второй половине дня 19 октября он приказал снять 216-ю стрелковую дивизию с занимаемого ею рубежа обороны,

¹ Местных стрелковых войск.

проходившего по западной окраине Харькова, вывести за город и занять новый рубеж обороны: Пересечное, высота с отметкой 176,6, роца восточнее Люботин, высоты с отметками 200 и 184,2. В 17-00 19 октября 1941 года командир 216-й стрелковой дивизии полковник Д.Ф. Макшанов принял решение занять указанный ему новый рубеж обороны двумя стрелковыми полками: 665-м (командир полка — майор А.А. Сморугов) и 589-м (командир полка — полковник И.Ф. Руденко). 647-й стрелковый полк под командованием полковника Л.Ф. Омельчука, должен был занять оборону по всей западной окраине города. В полночь 20 декабря, начальник гарнизона г. Харькова генерал-майор И.И. Маршалков отправил командирам соединений и частей боевой приказ, в котором были уточнены задачи 216-й стрелковой дивизии, 57-й стрелковой бригаде НКВД и Харьковскому полку народного ополчения по обороне города. К исходу 20 октября 1941 года передовые подразделения немецких войск вышли непосредственно к ближайшим окрестностям Харькова. Наступление войск противника в значительной мере затруднялось плохим состоянием грунтовых дорог. По шоссейным дорогам, ведущим к Харькову, части 57-й пехотной дивизии и 100-й легкой пехотной дивизий продвигались относительно быстро. К утру 21 октября 1941 года линия боевого соприкосновения немецких и советских войск проходила всего в 10-15 км от городской черты. Соединения и части 38-й армии, как бы опоясывали город живой лентой измученных боями, непогодой, голодом и бессонницей последних дней и ночей, бойцов и командиров. Численность соединений 38-й армии на 20 октября составляла: 76-я гсд¹ — 12551 человек; 47-я гсд — 8198 человек; 169-я сд² — 7845 человек; 199-я сд — 3263 человека; 212-я сд — 7845 человек; 216-я сд — 11475 человек; 300-я сд — 4575 человек; 304-я сд — данные отсутствуют; 57-я бригада НКВД — 4158 человек; 7-я тбр³, 10-я тбр, 14-я тбр — данные отсутствуют.[9].

Еще до начала боев за Харьков 216-я дивизия понесла очень большие небоювые потери в личном составе. По докладу начальника штаба дивизии подполковника Г.И. Кряжева только за два дня, 19 и 20 октября 1941 года, во время совершения марша двумя полками для занятия обороны в районе Гавриловки, в дивизии без вести пропало (в основном, дезертировало) около 30 % личного состава (из 11 433 чел.). Не обошлось без потерь личного состава и вооружения в 665-м стрелковом полку. По занятию подразделениями полка районов обороны на окраине Харькова, выяснилось, что во время марша отстали и не прибыли в расположение части 354 человека. И это в условиях совершения обычного марша, вне всякого воздействия со стороны противника! Таким образом, общая численность войск гарнизона города Харькова, без учета личного состава 56-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона и пяти отдельных огнеметных рот, по состоянию на 16 октября 1941 г. составляла 19 898 человек, при 56 орудиях калибра 45-76-мм, 65 минометах 82 — 120 мм, 153 станковых и 274 ручных пулеметов. Отдельный (бронетанковый) противотанковый отряд имел в своём составе 47 единиц бронетанковой техники устаревших типов, из них 38 танкеток (25—Т-27, 13—Т-16) и 9 танков (5—Т-26, 4—Т-35) [10]. 23 октября прошло в тревожном ожидании. К исходу 23 октября 1941 года передний край обороны частей и соединений 38-й армии проходил по рубежу: Черкасская Лозовая, Лозовенька, Алексеевка, Северный пост, западная окраина Харькова до реки Уды, по восточному берегу р. Уды до Жихаря, Хорошево, (исключая Боровое), Артюховка, Замостье, (исключая Змиев), Андреевка. Части и подразделения Харьковского гарнизона заканчивали последние приготовления к боевым действиям. Командование 55-го армейского корпуса вермахта, подтянув артиллерию и тылы, в основном закончило подготовку к наступлению по овладению городом.

Штурм Харькова. В семь часов утра 24 октября противник начал артиллерийскую подготовку, обрушив огонь 300 орудий по переднему краю обороны частей, оборонявшихся на западной окраине Харькова. Летчики Люфтваффе нанесли несколько ударов с воздуха. В течение двух часов противник не только обстреливал позиции войск, но и вел огонь по жилым кварталам города. В 9 часов утра противник перешел в наступление на Харьков на

¹ Горно-стрелковая дивизия.

² Стрелковая дивизия.

³ Танковая бригада.

всем фронте, начиная от Северного поста до Жихаря. В 15 часов до двух пехотных батальонов, усиленных танками, повели наступление вдоль улицы Полтавский шлях. Севернее ее, до батальона пехоты с танками продвигались по Афанасьевской улице, а южнее, также до батальона пехоты, при поддержке трех танков, начали наступление в направлении Цементной улицы. К 17 часам немцы прорвали оборону подразделений 665-го стрелкового полка и стали развивать наступление вдоль улицы Полтавский шлях по направлению к железнодорожному вокзалу. Спустя всего час подразделения противника с боем вышли к мосту у вокзала, или как его еще называли — Холодногорскому путепроводу, который был подорван нашими саперами, но после взрыва сохранилась небольшая его часть, по которой свободно могла передвигаться немецкая пехота. Боем была объята вся западная часть города. До взвода пехоты противника при поддержке одного танка смогли проникнуть в район Кузинского моста, находившегося рядом с клубом железнодорожников имени И.В. Сталина, расположенного севернее железнодорожного вокзала. Ближе к вечеру командир 216-й стрелковой дивизии полковник Макшанов бросил в бой свой резерв — стрелковую роту 589-го полка. Рота предприняла атаку противника во фланг, но остановить продвижение противника не смогла. К 20-00 24 октября в руках противника оказалась значительная часть города, находившаяся западнее реки Лопань. Частями 57-й пехотной дивизии были полностью заняты Ленинский, и Червонобаварский секторы обороны города и частично Октябрьский сектор. После отхода частей Харьковского гарнизона на левый берег р. Лопань были взорваны все мосты, за исключением центрального, где не сработало взрывное устройство. Попытки наших саперов, жертвуя своей жизнью, подорвать его, ни к чему не привели. Противник держал мост под постоянным обстрелом, не позволяя приблизиться к нему. Огонь, открытый по мосту 656-м артиллерийским полком 216-й стрелковой дивизии желаемых результатов также не дал: мост остался цел и невредим. В руках противника оказался самый главный мост города, что позволяло ему беспрепятственно продолжить наступление во всех направлениях в восточной части города, используя тяжелую боевую технику и, в первую очередь, танки. Вечером 24 октября 1941 года за невыполнение приказа командующего армией и отдачу распоряжения подчиненным частям на отход на восточный берег реки Лопань, без разрешения старшего начальника, Военный совет 38-й армии отстранил командира 216-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макшанова от командования дивизией. Исполняющим обязанности командира дивизии был назначен комбриг Ф. Ф. Жмаченко, который до этого был заместителем начальника гарнизона города Харькова. В соответствии с директивой штаба фронта, в ночь с 25 на 26 октября, 38-я должна была начать отвод войск, в том числе и тех, которые обороняли Харьков. Таким образом, главная задача войск Харьковского гарнизона заключалась в том, что бы еще сутки продержаться в городе и не дать противнику возможности овладеть им полностью раньше вечера 25 октября. Выполнить эту задачу, в той обстановке, которая сложилась к тому времени на улицах города, было нелегко. Рано наступившие осенние сумерки снизили наступательный порыв немецкой пехоты. К рассвету 25 октября 1-й батальон полка народного ополчения, получивший задачу выйти в резерв штаба обороны города, сосредоточился в районе ХТЗ. Во время совершения марша, по данным штаба обороны города, из батальона дезертировало около половины личного состава. Такая же картина имела место и в других батальонах Харьковского полка народного ополчения. По докладу начальника штаба полка майора Утина, еще до начала боев за Харьков, 21-23 октября, из полка дезертировало 279 человек. Командиром полка народного ополчения, для предотвращения случаев массового дезертирства были приняты самые суровые меры воздействия, вплоть до расстрела. По данным штаба обороны Харькова, к утру 24 октября 1941 года из 1300 человек в полку осталось всего около 800 человек. В течение дня и вечера 25 октября в восточной части города происходили бои, наиболее ожесточенные в районе площади Руднева. В 22.30 25 октября 1941 г. по приказу командующего 38-й армии части гарнизона города Харькова оставили город и, прикрываясь арьергардами, начали отходить на рубеж: Кутузовка, Сороковка, Рогань, где к утру 26 октября перешли к обороне.

Боевые действия в Харькове 24-25 октября 1941 года проводились с одной целью — выдержать временные рамки отвода войск Юго-Западного фронта на указанный Ставкой рубеж. Харьков, как важный государственный и военный объект, уже никого из руководства страны и армии не интересовал. При всем глубоком уважении к командирам, бойцам и

ополченцам, оборонявшим Харьков, к памяти воинов, отдавших свою жизнь в боях с немецко-фашистскими захватчиками на его улицах, надо отметить, что организованной обороны города не получилось. Не имея должной боевой выучки и не чувствуя уверенности в своих силах, бойцы и командиры ряда подразделений, оборонявших город, сразу же после того как противнику удалось ворваться на его окраину, поддались панике и стали поспешно отходить к его центру, где надеялись найти спасенье, укрывшись на левом берегу р. Лопани. По существу судьба города находилась в руках командиров небольших тактических подразделений – взводов и рот, которым приходилось действовать, не имея огневой и тактической связи с соседями, что зачастую порождало у наименее устойчивой части командиров и красноармейцев панические настроения. Начальник гарнизона города генерал-майор И.И. Маршалков не имел опыта по управлению боевыми действиями войск в городе. Не имея устойчивой связи с частями, Маршалков с большим опозданием реагировал на изменения в обстановке, вследствие чего его роль в обороне Харькова все больше сводилась к сбору информации о положении дел на улицах города. Штаб обороны города также не был помощником начальнику гарнизона в решении задач по организации боя. Кроме начальника штаба полковника Н.Я. Прихидько, в составе штаба обороны Харькова не было ни одного работника, обладавшего необходимыми командирскими и организаторскими качествами. Связь с частями гарнизона на протяжении всего дня 25 октября отсутствовала, а посланные в войска делегаты связи назад не возвратились. Только с выходом частей на левый берег р. Лопани удалось выяснить их местонахождение и состояние, а также уточнить боевую задачу. Еще несколько суток потребовалось, чтобы сосчитать бойцов и командиров. Численность соединений и частей 38-й армии на 1 ноября 1941 г. составляла: 76-я гсд – 8810 человек; 47-я гсд – 6305 человек; 169-я сд – 4787 человек; 199-я сд – 5499 человек; 212-я сд – данные отсутствуют; 216-я сд – 3460 человек; 300-я сд – 2679 человека; 304-я сд – 4191 человек; 57-я бригада НКВД – 1715 человек; 7-я тбр – 1250 человек; 10-я тбр – 1349 человек; 14-я тбр – 1540 человек. Имеющаяся разница личного состава соединений и будет той цифрой потерь, которые понесли войска 38-й армии в период с 21 по 31 октября. Убыль личного состава в соединениях 38-й армии с 21 по 31.10.41 г. составила: 76-я гсд – 3741 человек; 47-я гсд – 1893 человека; 169-я сд – 3058 человек; 216-я сд – 8015 человек; 300-я сд – 1896 человек; 57-я сбр¹ НКВД – 2443 человека. Итак, пять дивизий и 57-я стрелковая бригада НКВД из восьми дивизий и четырех бригад 38-й армии, принимавших участие в боях за Харьков и его окрестности, недосчитались 21046 человек. Потери 199-й, 212-й и 304-й стрелковых дивизий невозможно подсчитать, ввиду отсутствия данных. Необходимо учитывать также, что в период боев за Харьков почти все соединения армии получили пополнение. Так, 22 октября 199-я стрелковая, а 24 октября – 304-я стрелковая дивизии получили на пополнение своих частей по 2500 человек каждая. С учетом этого пополнения потери пяти вышеуказанных соединений 38-й армии за этот период составят **23 546** бойцов и командиров. Если добавить сюда потери 199-й, 212-й, 304-й стрелковых дивизий, 7-й, 10-й, 14-й танковых бригад, артиллерийских и других частей армейского подчинения, Харьковского полка народного ополчения, 49-го отдельного батальона НКВД, 21-го и 68-го отдельных батальонов МСВ, бронеполка Харьковского гарнизона, 197-го отдельного саперного батальона ХВО, данные о которых в архивах отсутствуют, то цифра потерь возрастет еще, как минимум, на 12–13 тыс. человек. Общие потери 38-й армии за последнюю декаду октября, в период боев на харьковском рубеже, составят около 35–36 тысяч человек.[11]. Германия оповестила о захвате Харькова 25 октября: «Харьков взят. Из Ставки фюрера, 25 октября. Верховное командование вермахта извещает: 24 октября взят Харьков. Таким образом, один из самых важных центров военной промышленности находится в немецких руках»[12]. Об оставлении Харькова нашими войсками Совинформбюро сообщило через пять дней, в вечернем сообщении от 29 октября: «Наши части оставили Харьков. Немецкие фашисты собирались взять Харьков ещё в сентябре месяце, но эти планы немецкого командования остались на бумаге. Харьков оставлен нашими войсками по стратегическим соображениям в момент, когда это советское командование нашло нужным, а не тогда, когда этого хотели немцы. За

¹ Стрелковая бригада.

этот период все важнейшие предприятия, подвижной состав железнодорожного транспорта, запасы сырья и другие ценности города были своевременно эвакуированы. Несколько средних и мелких предприятий, имеющих военное значение, взорвано. В ходе боёв за Харьков немецко-фашистские войска потеряли до 120 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 450 танков и бронемашин, до 3.000 автомашин с разным военным грузом и более 200 орудий разного калибра».[13]. Фантастические цифры немецких потерь не комментируются. Но есть и иное свидетельство: из переговоров начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмяна с начальником штаба 38-й армии генерал-майором технических войск А.Г. Масловым 25 октября 1941 года: «*Оборонительные возможности Харькова были использованы в совершенно минимальной степени. Заграждения, сооружения, баррикады также были использованы плохо. Штаб обороны Харькова спаниковал и бежал из Харькова ещё 24 октября, потеряв управление войсками. Потери противнику нанесены не по имеющимся возможностям. Населённые пункты оборонялись слабо и неумело*». [14]. Такой была первая битва за Харьков в октябре 1941 г. Впереди еще были сражения в мае 1942, в феврале, в марте и в августе 1943 года.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 14-18-011442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Примечания:

1. Гречко А.А. Годы войны 1941-1943. М.: Воениздат. 1976. С.70.
2. Гальдер Ф. Военный дневник. Июнь 1941 – сентябрь 1942 г. М.: Астрель, 2012. С. 264.
3. Гальдер Ф. Военный дневник. Июнь 1941- сентябрь 1942 г. С. 400-401.
4. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Ф.148-а. Оп.3763. Д.96. Л.48.
5. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М.:РОССПЭН. 2009. С. 1027.
6. Сводка «О выполнении постановлений ГКО СССР № 681 “Об эвакуации предприятий Харькова и Харьковской области” и № 685 “Об эвакуации женщин и детей из Харькова” от 16 сентября 1941 г. URL. <http://dnd-arena.ucoz.ru/forum/91-115-1> (дата обращения: 13.07.2015).
7. ЦАМО РФ. Ф.393. Оп. 8973. Д.8. Л.506-507.
8. ЦАМО РФ. Ф.148-а. Оп.3763. Д.96. Л.72.
9. ЦАМО РФ. Ф.393.Оп.8973. Д.10.Л.111.
10. ЦАМО РФ. Ф.229. Оп.161. Д.179. Л.2.
11. Мельников В. М. Харьков в огне сражений. «Забытый 41-й». Харьков: СИМ, 2008. С. 403, 408.
12. Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо. 2006. С. 93.
13. Сводка за 29 октября 1941 года. URL. <http://bdsa.ru> (дата обращения: 14.07.2015 г).
14. Мельников В. М. Харьков в огне сражений. «Забытый 41-й». С. 401.

References:

1. Grechko A.A. Gody voyny 1941-1943. M.: Voenizdat. 1976. S.70.
2. Gal'der F. Voennyu dnevnik. Iyun' 1941- sentyabr' 1942 g. M.: Astrel', 2012. S. 264.
3. Gal'der F, Voennyu dnevnik. Iyun' 1941- sentyabr' 1942 g. S.400-401.
4. Tsentral'nyy arkhiv ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (dalee TsAMO RF). F.148-a. Op.3763. D.96. L.48.
5. Kholokost na territorii SSSR. Entsiklopediya. M.:Rosspen.2009.S.1027.
6. Svodka «O vypolnenii postanovleniy GKO SSSR № 681 “Ob evakuatsii predpriyatiy Khar'kova i Khar'kovskoy oblasti” i № 685 “Ob evakuatsii zhenshchin i detey iz Khar'kova” ot

16 sentyabrya 1941 g. URL. <http://dnd-arena.ucoz.ru/forum/91-115-1> (data obrashcheniya: 13.07.2015).

7. TsAMO RF. F.393. Op. 8973. D.8. L.506-507.

8. TsAMO RF. F.148-a. Op.3763. D.96. L.72.

9. TsAMO RF. F.393. Op.8973. D.10.L.111.

10. TsAMO RF. F.229. Op.161. D.179. L.2.

11. Mel'nikov V. M. Khar'kov v ogne srazheniy. «Zabytyy 41-y». Khar'kov: SIM, 2008. S. 403,408.

12. Khaupht V. Srazheniya gruppy armiy «Yug». Vzglyad ofitsera vermakhta. M.: Yauza, Eksmo. 2006. S.93.

13. Svodka za 29 oktyabrya 1941 goda. URL. <http://bdsa.ru> (data obrashcheniya: 14.07.2015 g).

14. Mel'nikov V. M. Khar'kov v ogne srazheniy. «Zabytyy 41-y». S. 401.

Приложение:

Таблица № 1: Расстановка сил немецких и советских войск на харьковско-сумском направлении в октябре 1941 г.:

Группа армий «Юг» - генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт.

6-я армия - генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау:

29-й армейский корпус - генерал пехоты Г. фон Обстфельдер:

299-я пехотная дивизия - генерал артиллерии В. Мозер.

75-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Э. Хаммер.

168-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант, доктор Г. Мундт.

51-й армейский корпус - генерал пехоты Г. Рейнхард:

79-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант К. Штреккер.

44-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ф. Зиберт.

17-й армейский корпус - генерал пехоты В. Кинитц:

294-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант О. Габке.

239-я пехотная дивизия – генерал пехоты Ф. Нойлинг.

101-я лёгкая пехотная дивизия – генерал-лейтенант Б. фон Хайдринген.

55-й армейский корпус - генерал пехоты Э. Фиров:

57-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант О. Блюм.

100-я лёгкая пехотная дивизия – генерал-лейтенант В. Занне.

17-я армия (генерал-полковник К. фон Штюльпнагель)

11-й армейский корпус - генерал пехоты О. Ойген:

297-я пехотная дивизия – генерал артиллерии М. Пфедфер.

68-я пехотная дивизия – генерал-майор Г. фон Браун.

125-я пехотная дивизия – генерал пехоты В. Шнекенбургер.

4-й армейский корпус - генерал пехоты В. фон Шведлер:

94-я пехотная дивизия – генерал-майор Г. Пфейфер.

97-я лёгкая пехотная дивизия – генерал-майор М. Фреттер-Пико.

76-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант М. де –Ангелис.

52-й армейский корпус - генерал пехоты К. фон Бризен:

9-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант, барон З. фон Шлейниц.

298-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант В. Гресснер.

Венгерский мобильный корпус - генерал-майор Б. Миклош фон Дальноки:

1-я механизированная бригада -

2-я механизированная бригада -

44-й армейский корпус - генерал пехоты Ф. Кох:

257-я пехотная дивизия – генерал инженерных войск К. Сакс (Захс).

295-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Г. Гейтнер.

Всего: 20 дивизий, 2 бригады.

Юго-Западный фронт (Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко):

40-я армия - генерал-лейтенант К.П. Подлас.

Отдельный сводный отряд особого назначения - генерал-майор А.С.Чеснов.

3-й воздушно-десантный корпус – генерал-майор В.А. Глазунов.

293-я стрелковая дивизия - полковник П.Ф. Лагутин.

227-я стрелковая дивизия - полковник Г.А. Тер-Гаспарян.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия - полковник А.И. Лизюков.

21-я армия - с 5.10.1941 г. - генерал-майор В.Н. Гордов.

Конно-механизированная группа - генерал-майор П.А. Белов.

5-я кавалерийская дивизия – полковник В.К.Баранов.

9-я кавалерийская дивизия - полковник А.Ф. Бычковский.

1-я гвардейская стрелковая дивизия – генерал-майор И.Н. Руссиянов.

1-я танковая бригада – полковник А.М. Хасин.

295-я стрелковая дивизия - полковник А.П. Дорофеев.

129-я танковая бригада – полковник Г.И. Копылов

38-я армия - генерал-майор В.В. Цыганов.

47-я горнострелковая дивизия – полковник Т.У. Гринченко.

76-я горнострелковая дивизия – генерал-майор К.И Горюнов.

169-я стрелковая дивизия - полковник С.М. Рогачевский,

199-я стрелковая дивизия - комбриг Д. В. Аверин.

300-я стрелковая дивизия - полковник С.П. Меркулов.

304-я стрелковая дивизия - генерал-майор Н.П. Пухов.

7-я танковая бригада - полковник И.А. Юрченко.

10-я танковая бригада - подполковник В.А. Бунтман-Дорошкевич.

14-я танковая бригада - полковник С.И. Семенников.

132-я танковая бригада - полковник Г.И. Кузьмин.

Гарнизон города Харькова:

начальник – генерал-майор И.И. Маршалков.

216-я стрелковая дивизия – полковник Д.Ф. Макшанов (с 24.10 – комбриг Ф.Ф. Жмаченко).

57-я стрелковая бригада НКВД - полковник М.Г. Соколов.

Харьковский полк народного ополчения – комбриг И.Ф.Зильпер.

6-я армия - генерал-майор Р. Я. Малиновский.

270-я стрелковая дивизия - полковник З.Ю. Кутлин;

275-я стрелковая дивизия - генерал-майор М.И. Дратвин;

255-я стрелковая дивизия - полковник И.Т. Замерцев;

26-я кавалерийская дивизия – полковник А.А. Носков.

28-я кавалерийская дивизия – полковник С.А. Сакович.

12-я танковая бригада - полковник В.М. Баданов.

13-я танковая бригада - подполковник А.Г. Земляной.

Всего: 19 дивизий, 8 танковых бригад, 4 стрелковые бригады.

УДК 947.0

Первая битва за Харьков (7–26 октября 1941 г.)

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Харьков к началу Великой Отечественной войны был крупнейшим индустриальным центром Украинской ССР, с мощной военной промышленностью и вторым (после Москвы) транспортным узлом. Осенью 1941 г. в Харьков эвакуировались из Киева партийно-политические структуры УССР, в городе находился штаб округа и был развернут крупный мобилизационный центр. Оборона первой столицы советской Украины в октябре была малоэффективной и враг сравнительно легко овладел городом. О том, как и почему это произошло, рассказывается в данной статье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Юго-Западный фронт, оборона Харькова в октябре 1941 года.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 Vol. 8, Is. 2, pp. 84-85, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.84
www.ejournal6.com

UDC 94

Notes of a Battalion Commander

Mikhail F. Frolov

Sochi Society of invalids of the Great Patriotic War, Russian Federation

Abstract

The article presents the memories of Frolov Mikhail Filippovich – the battalion commander of 395th Infantry Division. The article pays attention to the fighting on the territory of Kuban in 1942-1943 years.

Keywords: the battalion, commander, memories, the front.

В январе 1940 года я был направлен военкоматом в Харьковское ВУ, куда меня сразу и принимают. В связи с приближением войны срок обучения для нас был укорочен вместо двух лет до полутора. 19 июля 1941 года нас выпустили лейтенантами, и мы были направлены на фронт. По прибытии на фронт я получил должность командира пулеметной роты, так как в ВУ учился в классе станковых пулеметчиков.

Под городом Новомиргород Полтавской области наша стрелковая дивизия приняла первый бой, с танковой группой генерала фон Клейста. Пробив нашу оборону немецкие танки быстро устремились к Днепру, а нам пришлось мелкими группками отступать на соединение к своим частям. Двигались мы в основном по полям кукурузы вдоль дорог, немцы же проходили по дорогам и на нас никакого внимания не обращали, так как старались как можно скорее выйти на Кривой Рог и Днепр. Перебравшись на подручных средствах через Днепр, мы вышли к своим, а там военный комендант одного из поселков говорит, что раз вы заканчивали харьковское ВУ, то и езжайте в Харьков – там формируются новые войсковые части. 24 августа я попал в резервную бригаду комсостава в Харькове и через дней 10 нас распределили по дивизиям. В это время в Донбассе формировались три шахтерские дивизии: 395-я, 383-я и еще одна. Меня направляют в Ворошиловград в 395-ю в 726-й стрелковый полк командиром пулеметной роты, и уже в сентябре мы вступили под Мариуполем в бой.

Под Мариуполем мы вновь столкнулись с частями Клейста, не успев получить боевую задачу, мы начали отходить. Отступали мы до реки Миус, где и закрепились. Бои здесь происходили несколько дней.

После взятия Харькова наша дивизия начала опять отступать, так как существовала угроза окружения. Так мы добрались до Дона. На переправе стоял капитан и никого не пускал, объясняя, что есть приказ не отходить. Я ему сказал, что у меня приказ командира дивизии о выходе к Батайску. Переправившись через Дон, мы хотели продолжать путь, но основная часть моих людей смешалась с войсками на переправе, и разобраться в огромной массе людей уже не представлялось возможным. Командиры начали разыскивать своих солдат уже не по номерам батальонов и полков, а по номерам армий и корпусов. Получив

приказ пополнить личный состав своей роты, я отправил своих взводных наловить отходящих, те так и сделали, вернувшись с тремя ротами, так я временно стал командиром стрелкового батальона. Спустя несколько дней на должность командира комбата прибыл другой офицер, а я вернулся на должность ком пулеметной роты.

Под Краснодаром я был назначен командиром 1-го батальона, получил грузовые машины для личного состава и приказ срочно через Некрасовскую станицу выйти к Усть-лабинской, заняв там оборону. Путь недалекий всего километров 60, но при выезде с фронтовой полосы нас останавливает заградотряд (старший лейтенант и человек 15 солдат).

“Куда едите” спрашивает ст. лейтенант. Я ему ответил.

“У Вас есть документ, что Вы имеете право выехать с зоны боевых действий”. Документа никакого у меня не было.

“Я не могу Вас пропустить”.

“Вы рискуете”. Отвечаю я. “– Я же не соглашусь с Вашим требованием, так как получил боевой приказ”. Однако, ст. лейтенант продолжал упорствовать, видя, что даром теряю время, я отдал приказ:

“Командир пулеметной роты открыть левые борта”. Борта тотчас же были открыты и на заградотряд с каждого грузовика уставились по два станковых пулемета “Максим”.

“Ну что” – спрашиваю я: “Дальше, будем говорить”.

Старший лейтенант, сообразив в чем дело, начал оправдываться: “Товарищ капитан, ну я же не знал”.

“Так вот знать надо, где дезертиры, а где воинское подразделение. Убери своих”. И мы тронулись дальше.

В Усть-лабинской мы также долго не задержались и продолжали вместе с дивизией отступать, через Горячий ключ, к горе Котх. За участие в боях в этом районе я был награжден первым орденом Красного Знамени. А спустя несколько дней я был ранен, едва не попав в плен. Так я попал сперва в Сухуме, после чего в Кировокан, где пролежал около 2,5 месяцев. Из госпиталя я выписался по собственному желанию с еще не зажившей раной. Вернувшись в часть, я возглавил свой батальон и получил звание майора.

В период наступления наших войск на Кубани, особое внимание уделялось гражданам сотрудничающих с немецкой властью. При заходе в деревню я сразу же направлял разведгруппу по хатам и они вылавливали всех полицаяв и старосту. Задержанные без долгих разговоров ставились к стенке и расстреливались. Уловив суть происходящего, другие полицаи в период вступления в станицу передовых армейских частей прятались в отдаленных местах и лишь после прихода НКВД с повинной возвращались в деревню. Из явившихся с повинной наши формировали штрафные отряды и использовали их на фронте.

На Кубани в районе Крымской в период обороны моему батальону были приданы три штрафные роты: 76-я, 81-я и 83-я.

УДК 94

Записки командира батальона

Михаил Филиппович Фролов

Общество инвалидов Великой Отечественной войны города Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены воспоминания командира батальона 395-й стрелковой дивизии Фролова Михаила Филипповича. Уделено внимание боям на территории Кубани в 1942–1943 гг.

Ключевые слова: батальон, командир, воспоминания, фронт.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 Vol. 8, Is. 2, pp. 86-103, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.86
www.ejournal6.com

UDC 94(489)

The First Danish Ironships

Nicholas W. Mitiukov

International Network Center of fundamental and applied research, Russian Federation
 E-mail: nico01@mail.ru

Abstract

The article deals with the history of the first Danish battleships from armored schooners "Absalon" and "Esbern Snare" to the battleship "Odene". The article analyzes the main patterns of occurrence of different types of ships, and the history of its fighting application.

Keywords: Denmark, history, armored shipbuilding, ironclad, monitor, naval rivalry.

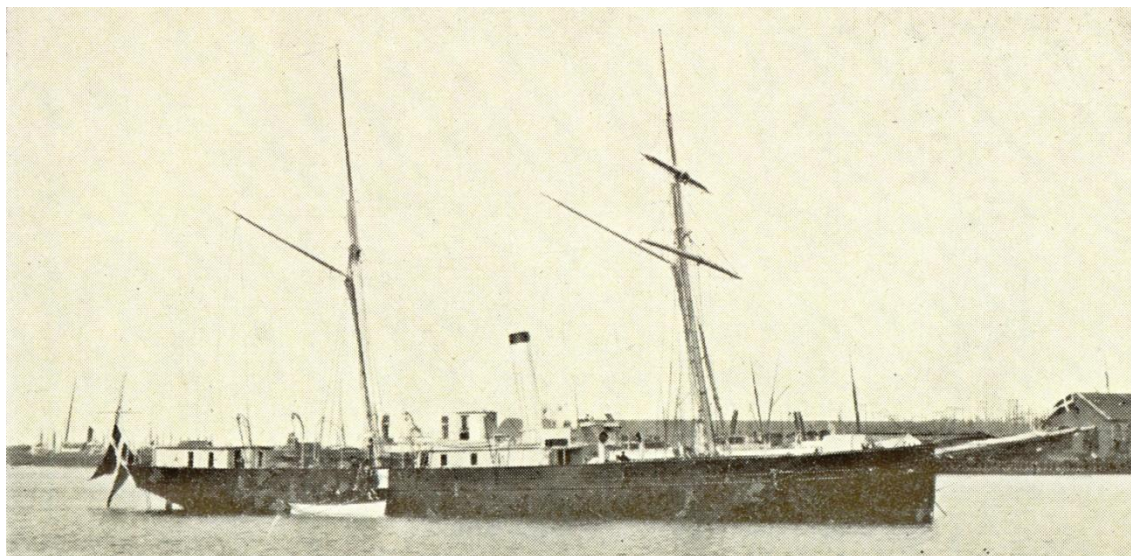
Введение

Вся история Датского королевства может служить примером того, как можно весьма эффективно проводить наступательную военно-морскую политику, полагаясь лишь на свои собственные весьма ограниченные ресурсы и возможности. Следствием этого стали обширные заморские территории, вошедшие в состав королевства – от заснеженных просторов Гренландии и вулканов Исландии до тропических островов Святого Фомы в Карибском море. И при этом датский флот никогда не был большим! Тем не менее, например, итоги вероломного нападения Великобритании на нейтральную Данию и захват в Копенгагене практически всего датского флота в 1807 г. сами британцы оценили весьма высоко. Так министр иностранных дел Джордж Каннинг заявил, что не слышал «ни о чём более блестящем, более здоровом и более эффективном», чем эта операция. Впрочем, сами датчане ответили на это "замирение" акцией, вошедшей в историю как "посадка 90 тысячи дубов", и вскоре смогли практически восстановить свои силы.

В середине XIX в. датский флот по-прежнему составлял силу, вполне способную обеспечить существенный перевес в войне на Балтике. После победы над Наполеоном именно германская угроза и явилась тем "последним доводом королей", заставившим системно и постоянно заботиться о собственном флоте. И флот оправдал надежды военных, сумев в обеих войнах с Пруссией надежно заблокировать ее порты, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны! Поэтому не было ничего удивительного в том, что первые датские броненосцы в основном представляли собой тип мореходного корабля, пригодного для морской блокады.

Уже с начала 1860-х гг. в Дании на полном серьезе начали обсуждать вопрос о строительстве своего броненосного корабля по типу "Ла Глуара" или "Уорриора". Сражение на Гемптонском рейде в марте 1862 г. во время гражданской войны в Соединенных Штатах заставило до предела ускорить принятие необходимых решений, и уже в апреле-мае рейхстаг принимает решение о покупке корабля типа "Монитор" и преобразованию двух своих деревянных фрегатов в броненосцы по типу "Мерримак".

Броненосная шхуна "Абсалон"

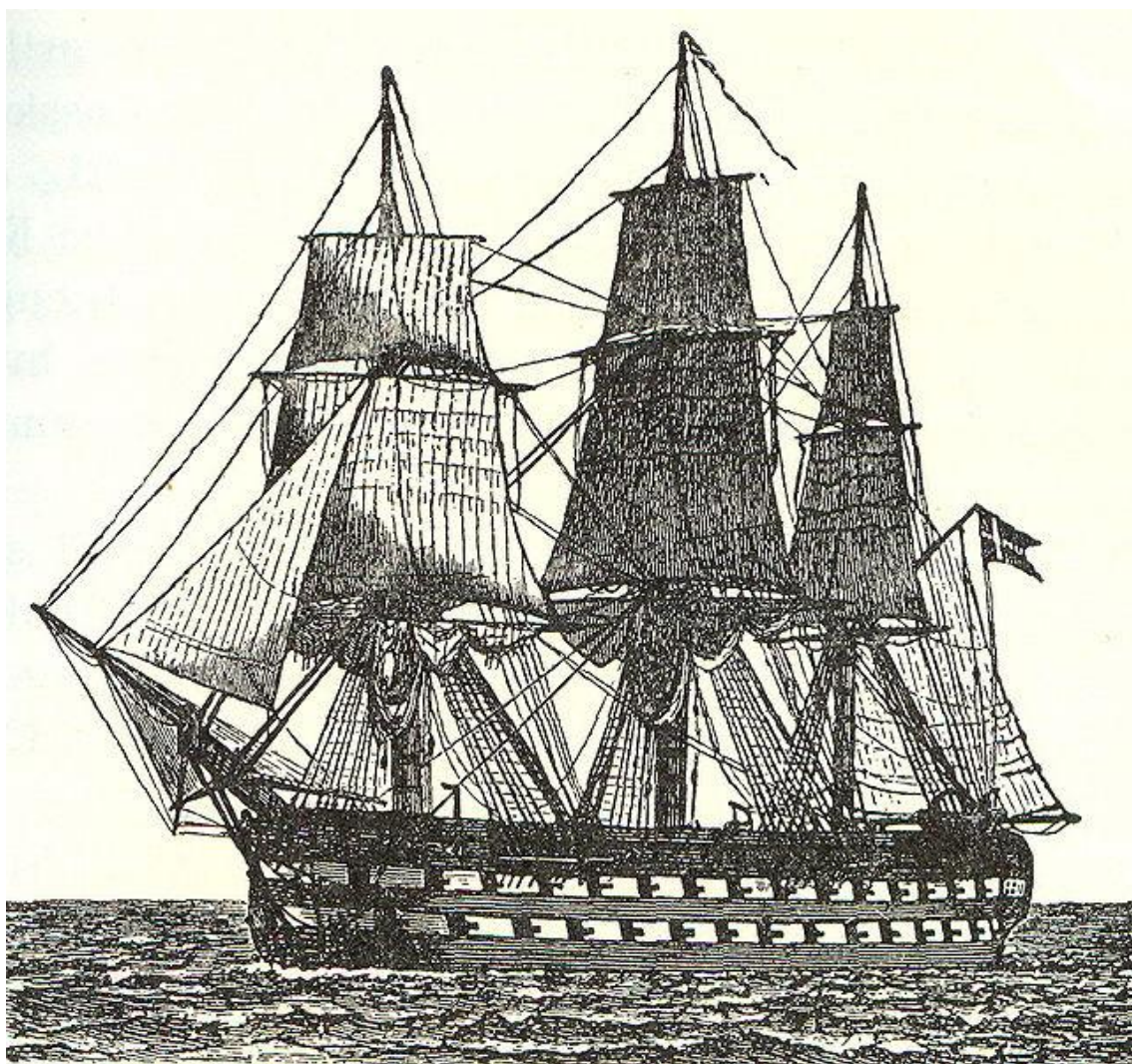
Бывшая броненосная шхуна "Эсберн Снаре", во время торпедного пуска

Но первыми датскими кораблями с броневой защитой стали не они, а две весьма оригинально классифицированные как "броненосные шхуны" единицы. Заказ на их постройку был оформлен еще в 1861 г. с известной английской фирмой "Thames Iron Works" (кстати, раньше, чем у иных европейских государств, привыкших считать себя ведущими морскими государствами!). А уже в 1862 г. корабли прибыли в Данию. Это были небольшие, всего 530 т. корабли, с длиной корпуса 45,8 м, шириной 8,1 м, и осадкой 3,3 м. 500-сильная

машина развивала скорость до 11,3 узлов, а экипаж оставлял 66 чел. В дальнейшем эта цифра будет постоянно увеличиваться, достигнув 80 чел. в 1889 г. Оригинальное вооружение состояло из одной гладкоствольной 60-фунтовой пушки и двух нарезных 18-фунтовок (калибр 140-мм). После начала войны с Пруссией к ним добавились четыре 4-фунтовые гаубицы.

Корабли, получившие названия "Абсалон" (Absalon) и "Эсберн Снаре" (Esbern Snare), стали единственными броненосными кораблями Дании на начало войны с Пруссией, что и предопределило их весьма активное использование. А "Эсберн Снаре" и вообще стал первым датским кораблем открывшим огонь в этой войне.

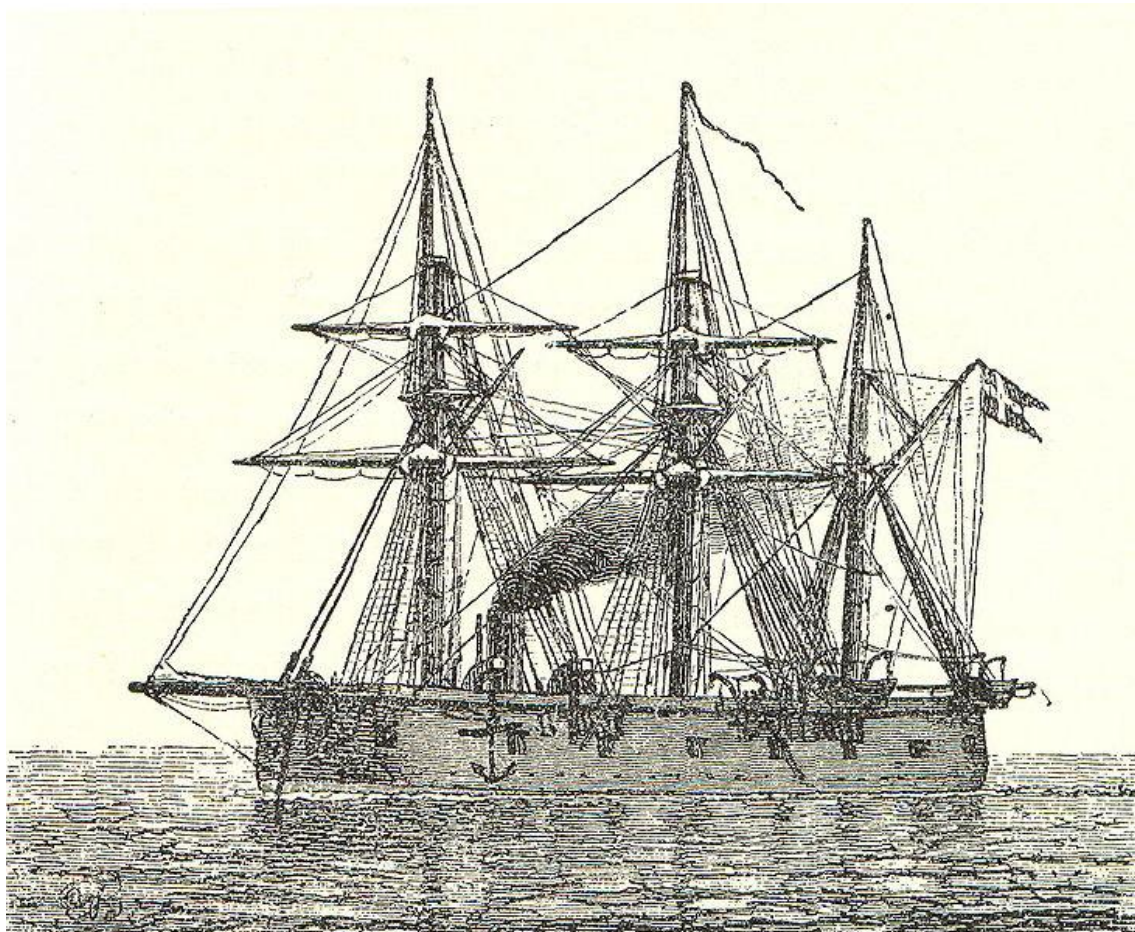

Линейный корабль "Даннеброг" до модернизации (1850 г.)

Утром 1 февраля наступавшая по дороге Киль – Эккернферде прусская колонна, выйдя на берег одноименного фьорда, неожиданно для себя обнаружила там два датских корабля. Дело в том, что еще в конце января, правильно оценив угрозу для Эккенферде, в город прибыли корвет "Тор" и броненосная шхуна "Эсберн Снаре", занявшие позиции у южной части города. При этом шхуна стала совсем близко к берегу, чтобы держать под обстрелом дорогу к городу. Противники заметили друг друга практически одновременно и несколько прусских батарей около 11 утра начали бой. Вскоре к шхуне присоединился "Тор". Впрочем, обеим сторонам очень мешали солнечные блики на снежном берегу, так что результативность этого сражения осталась практически нулевой. Пара снарядов попали в такелаж корвета и еще один пробил дымовую трубу. Потерь обе стороны не имели. Тем не менее, полученные накануне войны инструкции, требовали от командира датского отряда

капитан-лейтенанта Хедеманна "в случае обстрела полевыми батареями уйти из фьорда". В результате, выполняя приказ командования "Эсберн Снаре" незамедлительно ушел в Сондерборг. Интересно отметить, что это передвижение совпало с приказом о формировании "Эскадры западной части Балтийского моря", куда и вошли обе броненосные шхуны.

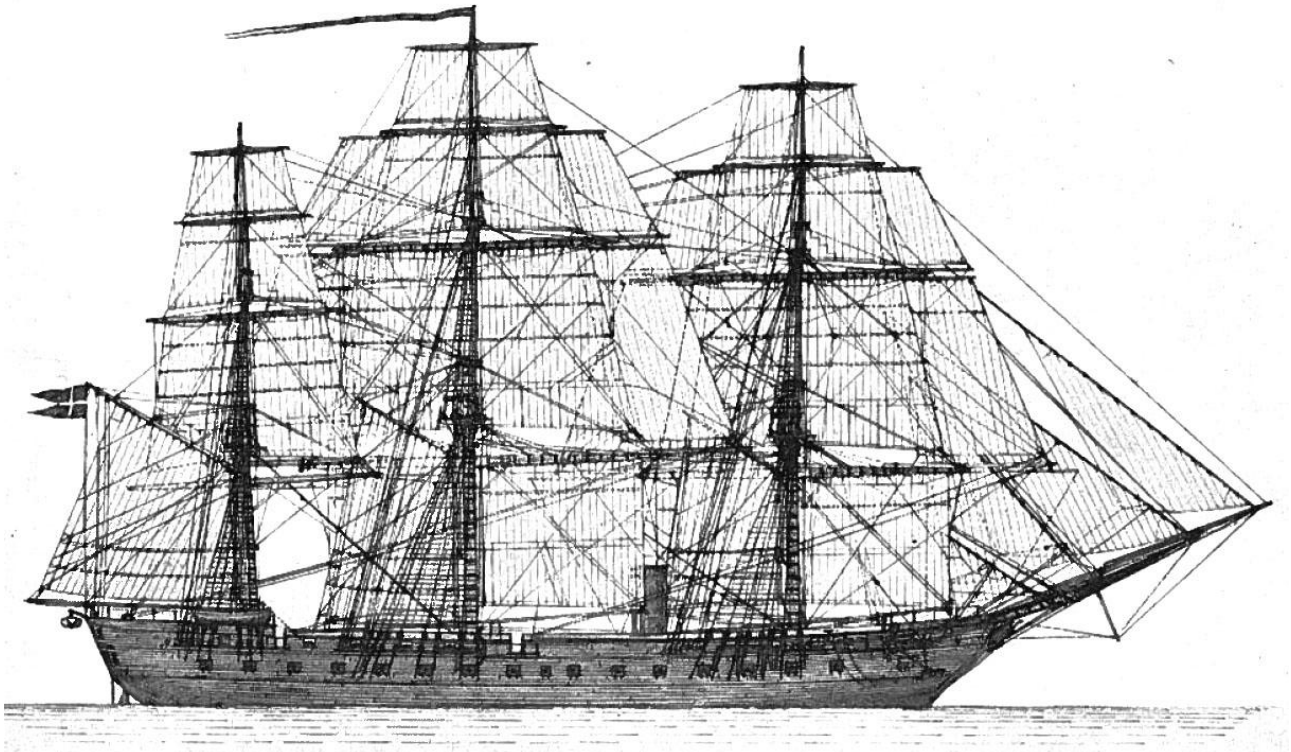
Броненосец "Даннеброг" (1864 г.)

А уже 5 февраля командование эскадрой получило известие, что армия начинает отход от Данневирка. В соответствии с изменившейся обстановкой утром следующего дня шхуны получили приказ взять на буксир шесть понтонов, чтобы перевести морем, как прогнозировали на эскадре, сильно потрепанные датские части. К счастью, эвакуация не потребовалась – армия, благополучно отойдя под натиском превосходящих сил противника, заняла оборону у Дюппеля. А "Абсалон", посланный во Фленсбург для согласования дальнейших действий с армейским командованием, снова примкнул к эскадре.

В начавшейся далее знаменитой оборонительной операции у Дюппеля обеим броненосным шхунам пришлось, поддерживая фланг своей армии неоднократно вступать в перестрелку с прусскими полевыми батареями, первая из которых уже имела место 11 февраля у Экерзунда. К сожалению, толщина железных листов броненосных шхун составляла всего 64 мм, надежно защищая лишь от огня стрелкового оружия. В случае упорных боев датское командование даже было готово в случае необходимости пожертвовать кораблями, но к счастью к эскадре присоединился гораздо более серьезно вооруженный и бронированный монитор "Рольф Краке", как раз и сыгравший основную роль в оборонительных боях.

В апреле месяце "Абсалон" перевели к Свинемюнде, где мелководье не давало возможность крупным кораблям подходить близко к берегу, а небольшие кораблики легко отгонялись прусскими береговыми батареями. Действенность подкрепления проявилось

уже к вечеру того же дня, когда шхуна задержала голландский пароход "Рембрант", пытавшийся выйти в море для прорыва блокады. А спустя всего несколько дней, когда к блокаде примкнул броненосец "Даннеброг" уже никто даже не пытался прорвать блокаду, что дало возможность прусским газетам писать, что морское сообщение со Свинемюнде *"совершенно прервано датскими пиратами"*.

Фрегат типа "Юлланд"

Тем временем, выполняя решение правительства уже в июле 1862 г. парусный линейный корабль "Даннеброг" (Dannebrog) стал в док военно-морского арсенала в Копенгагене. Это был 72-пушечный двухдечный 4747-тонный корабль, заложенный 28 апреля 1848 г, спущенный на воду 25 сентября 1850 г. и введенный в состав флота 17 мая 1853 г. Под руководством датского инженера Отто Фредрика Суэнсона в ходе работ с корабля была срезана верхняя палуба, установлена паровая машина и по бортам смонтированы 114-мм железные плиты. В ходе всех переделок водоизмещение снизилось до 3057 т. Габариты корпуса: длина 65,5 м, ширина 15,5 м, осадка 7,1 м. Паровая машина мощностью 1150 л.с. дала возможность развить на пробах до 8,7 узлов. Впрочем, обычно скорость не превышала 6–7 узлов. Экипаж возрос до 330 чел, а вооружение сократилось всего до 16 60-фунтовых пушек. Но даже в таком виде он стал мощнейшим датским кораблем. В этой связи выглядит весьма курьезным официальная классификация корабля как "броненосный корвет". Лишь специальное постановление 1865 г. восстановило "статус-кво", официально переклассифицировав "Даннеброг" в броненосный фрегат.

В результате всемерного убыстрения работ, корабль вступил в строй уже в марте 1864 г., то есть два месяца спустя после начала войны с Пруссией и Австрией и направлен в эскадру, действовавшей в восточной части Балтийского моря. Его появление у Свинемюнде, как уже говорилось, способствовало полному прекращению морского сообщения с этим портом. Тем не менее, как оказалось, для условий блокады в мелководной Балтике корабль подходил мало. Большая осадка не давала возможность подходить близко к берегу, то есть задействовать свою 60-фунтовую артиллерию, защищенную бронированными бортами. Предвидя подобный оборот, незадолго до своего крейсерства корабль вооружили тремя нарезными 18-фунтовыми орудиями, установленными на верхней палубе и еще парой орудий Армстронга в батарее (по одному на каждый борт). Впрочем, палубные орудия хоть и

обеспечивали требуемую дальность, но сами оказывались совершенно незащищенными для огня береговых пушек. А, кроме того, после битвы у Гельгоlanda руководство датского флота небезосновательно опасалось, что австрийцы могут отправить на Балтику свои броненосцы. В связи с чем "Даннеброк" в июле-августе вместе с фрегатом "Нильс Юэль" его предполагалось держать в Каттегате. Но все опасения оказались напрасными, поскольку исход кампании и так был решен на суше.

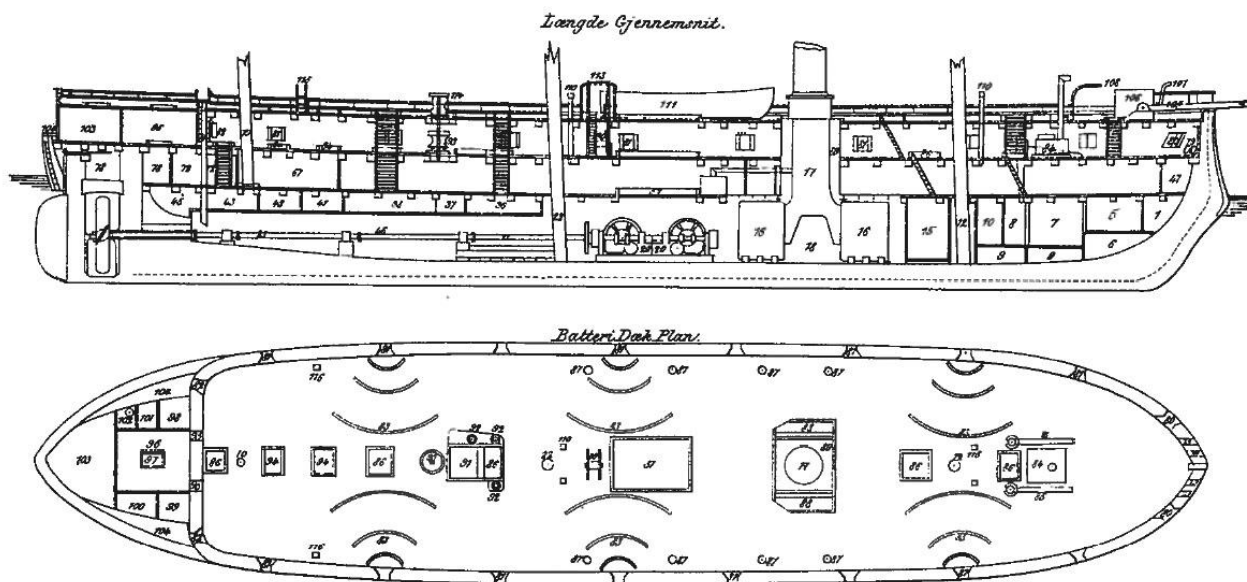

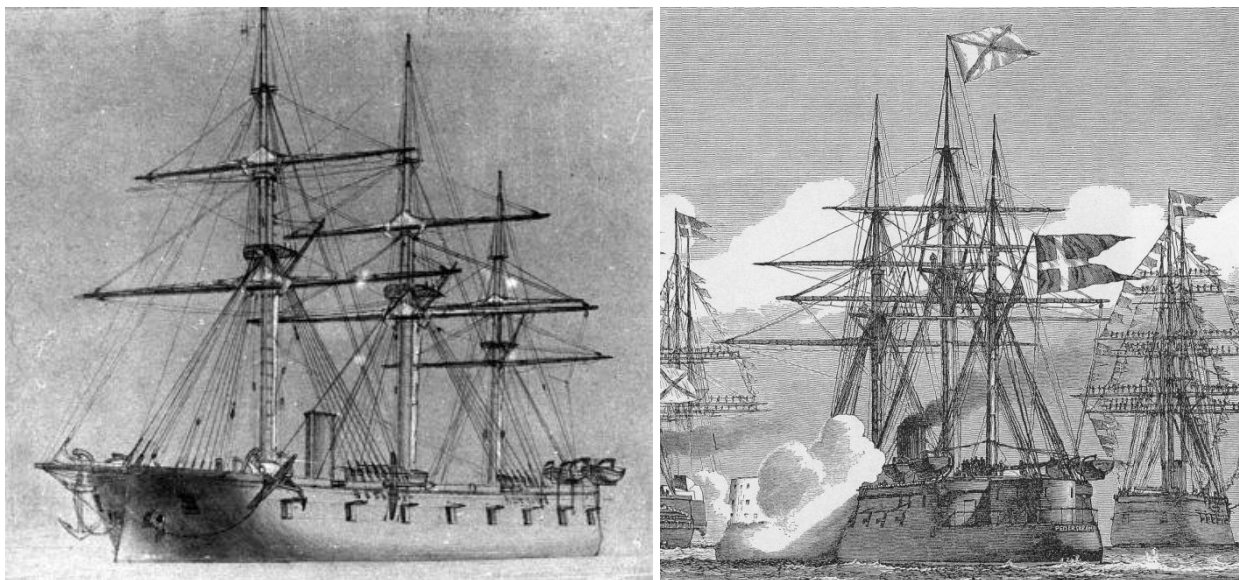
Схема броненосца "Педер Скрам"

Второй датский броненосец, за который проголосовал рейхстаг, стал "Педер Скрам" (Peder Skram). Это был наиболее мощный и современный парусный фрегат типа "Юлланд" (Jylland), заложенный 19 мая 1859 г. Ввиду загруженности верфи в Копенгагене переоборудованием "Даннеброка", достройку "Педера Скрама" временно пришлось заморозить, бросив все ресурсы на перестройку линкора. Но к лету 1863 г. на корабле начались активные работы. К этому времени из Англии получили 114-мм броню, а фирма "Baumgarten & Burmeister" поставила новейшие 1650-сильные паровые машины, самые мощные на тот момент в датском флоте. Проект корабля, также как и "Даннеброк", разработал датский инженер Отто Фредрик Суэнсон, и он попытался частично исправить ошибки, допущенные им в первом проекте. Так у артиллеристов появилась возможность перемещать орудия от порта к порту, сосредоточив ее, например, в кормовых секторах, что было исключено для "Даннеброка", ориентированного лишь на бой в кильватерном строю.

28 октября 1864 года корабль благополучно сошел на воду. Это был уже принципиально новый фрегат, не имеющий ничего общего с типом "Юлланд". Водоизмещение его составляло 3373 т., длина 69 м, ширина 15,1 м, осадка 6,6 м, скорость до 11 уз., экипаж 450 чел. Вынужденная задержка с достройкой способствовала тому, что "Педер Скрам" получил на вооружение новейшие нарезные орудия: 6 203-мм, 5 152-мм, дополняемые двумя 18-фунтовыми корронадами. Но войти в состав флота он сумел лишь 15 августа 1866 г., когда война с Пруссией и Австрией уже завершилась тяжелым для Дании миром, тем не менее, первая операция нового броненосца стала вполне заслуживающей упоминания. Это было эскортирование королевской яхты "Шлезвиг" (Slesvig), на борту которой в Санкт-Петербург отправилась датская принцесса Дагмара, в будущем императрица Мария Федоровна.

Третьим броненосцем, построенным для датского флота, стал "Рольф Краке". Не имея опыта в строительстве броненосных башенных кораблей, датчане разместили заказ на шотландской фирме "R. Napier & Sons". Кстати, даже в этом случае имел место определенный риск, так как британцы еще не имели опыта постройки собственного

башенного броненосца (все четыре корабля этого типа еще только строились). Но было решено понадеяться на репутацию судостроителей. Тем более что башни спроектировал получивший известность Купер Фильс Кольз и даже на бумаге они очень и очень впечатляли. Так, например, скорострельность планировалось довести до уровня выстрела в 3 минуты, вместо 7 на американском "Мониторе". Забегая вперед, следует отметить, что датчане не прогадали и получили на вооружение едва ли не самый передовой корабль в мире. И, например, русские броненосцы типа "Русалка" и "Смерч" стали дальнейшим развитием проекта датского корабля.

Броненосец "Педер Скрам"

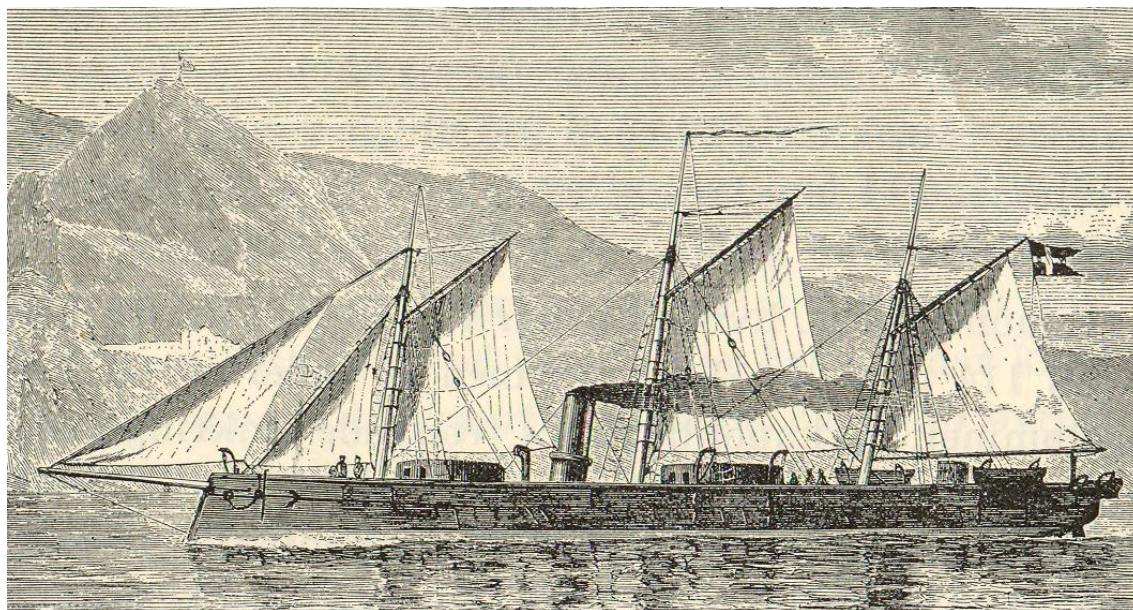
В свете надвигающейся войны датчане должны были спешить. Контракт с британцами заключили 28 августа 1862 г., и практически сразу же в Глазго заложили первые секции киля. 6 мая 1863 г. корпус спустили на воду и 1 июля того же года ввели в строй. Таким образом, между заключением контракта и укомплектованием прошло меньше года! Впрочем, чудес не бывает. Датская сторона просто закрыла глаза на множественные недоработки, справедливо решив, что надо как можно скорее заполучить столь ценный корабль (а не ждать, когда из-за режима нейтралитета британцы задержат его у себя до окончания боевых действий), ведь все недоработки они могли устранить и собственными силами.

Но даже в таком виде корабль получился весьма и весьма удачным. При водоизмещении 1360 т. он имел паровую машину, разгоняющего его до скорости 8 узлов. Идя на максимальной скорости, корабль мог пройти до 1560 миль. Экипаж – 141 чел. Также как и первые два броненосца, "Рольф Краке" получил 114-мм броню для защиты бортов и башен. А вот с вооружением датчане явно прогадали, впрочем, в спешке привередничать особо не приходилось, и корабль получил на вооружение четыре гладкоствольных 60-фунтовых орудия. Правда, этот промах частично исправили установкой на палубе восьми 4-фунтовых гаубиц, оказавшихся очень полезными при борьбе с берегом.

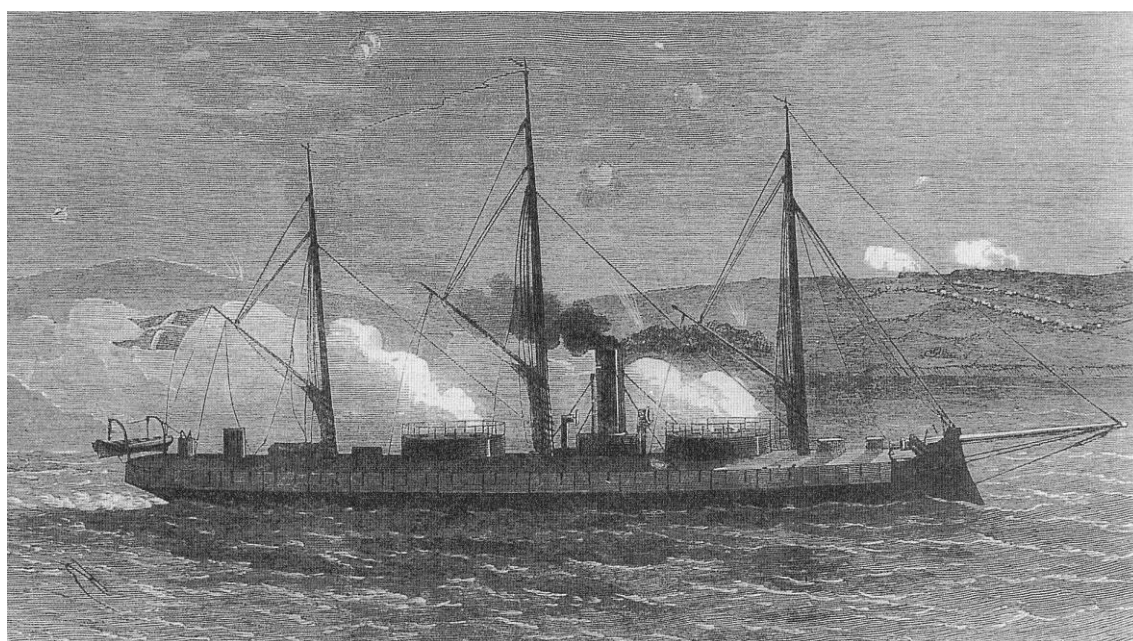
Свою высокую эффективность "Рольф Краке" продемонстрировал уже 18 февраля 1864 г., получив задачу уничтожить понтонный мост у Ньюбельнора. Произведя в общей сложности 57 выстрелов, корабль с успехом выполнил поставленную задачу, несмотря на плотный огонь неприятеля, заплатив за это всего тремя ранеными. Впрочем, несмотря на большое количество попаданий, все повреждения удалось наспех залатать за несколько дней, поскольку ценный корабль потребовался для поддержки армии во время обороны позиций у Дюббеля. Именно поддержка с приморского фланга 22–26 февраля способствовала тому, что прусское наступление захлебнулось. К сожалению, при повторном наступлении 18 апреля, "Рольф Краке" хоть и замедлил темпы продвижения прусаков, не смог предотвратить катастрофу датской армии. Кстати, в ночь на 29 июня пруссаки

спланировали специальную операцию по уничтожению так надоевшего им датского броненосца, окончившуюся, впрочем, лишь отходом корабля на новую позицию.

"Рольф Краке" на ходовых испытаниях в реке Клайд

"Рольф Краке" ведет обстрел прусских позиций

Если "Даннеброк", "Педер Скрам" и "Рольф Краке" с самого начала планировались датскими парламентариями, то четвертый броненосец "Данмарк", поднял красный флаг с белым крестом что называется "по случаю". Как известно, броненосцы, заказанные конфедератами, оказавшись в составе флотов Пруссии и Японии стали первыми кораблями этого типа в их флотах. В этом отношении датчане снова оказались впереди в будущем мировых морских держав, поскольку бывший броненосец конфедератов лишь дополнил датские броненосные силы.

21 мая 1862 г. представители конфедеративных штатов Америки подписали контракт на строительство с фирмой Томпсона из Глазго нового корабля. До этого американцы уже с

успехом смогли пополнить состав своего флота несколькими рейдерами, но строительство полноценного броненосца было жизненно необходимо. Благополучно заложив первые секции киля нового корабля, Томпсон между тем оказался вмешанным в начавшийся вихрь политических интриг вокруг него. Интересно отметить, что историки затрудняются даже с названием этой постройки, вокруг которой начали сгущаться тучи на политическом небосклоне, называя то "Санта Марию", то "Глазго". В конце концов, во избежание ареста, в декабре 1863 г. Томпсон был вынужден разорвать контракт, выставив еще не готовый корпус на продажу. Но уйти от политических интриг снова не удалось. Еще в ноябре 1863 г. Пруссия отправила в Великобританию свою делегацию с целью поиска кораблей, пригодных для покупки в состав военно-морского флота. Один из представителей этой делегации, посетив Глазго, отзывался о новом корабле в столь восторженных тонах, что комиссия рекомендовала его покупку. В сложившейся ситуации датчане решили играть на опережение, и пока шла обычная дипломатическая переписка с Берлином, в декабре того же года Томпсона посетил представитель Датского королевства, с гораздо более широкими полномочиями, сделав тому предложение, от которого шотландский промышленник не смог отказаться.

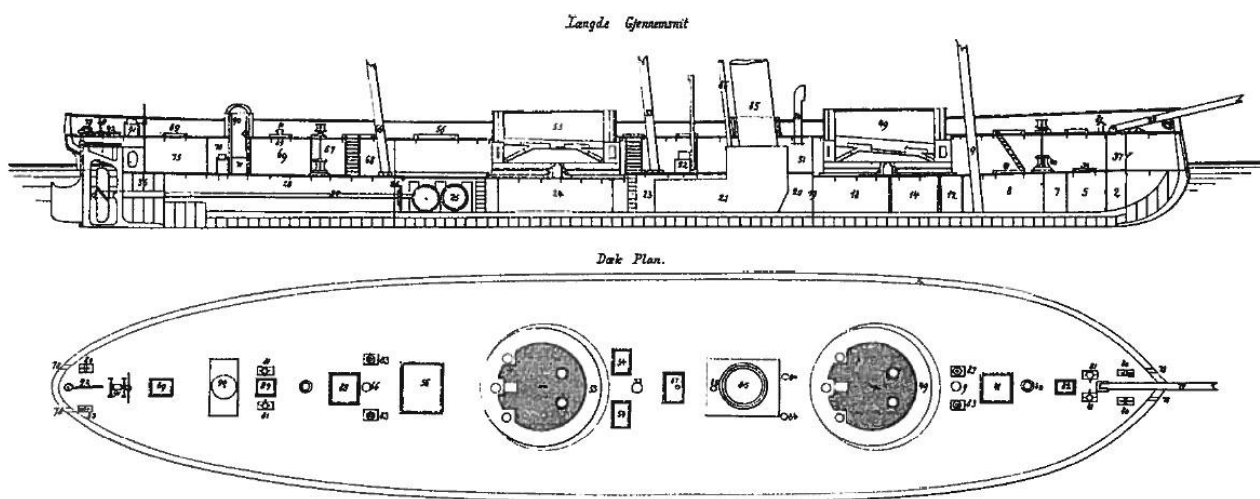

Схема монитора "Рольф Краке"

23 февраля 1864 г. броненосец спустили на воду, а к сентябрю он уже был подготовлен к испытательному плаванию. Поскольку к этому моменту официальная позиция Великобритании по поводу только что окончившейся войны была не ясна, имелась вполне определенная перспектива ареста броненосца. В связи с этим испытательное плавание спланировали таким образом, чтобы зайти в нейтральный норвежский Хортен, из которого броненосец планировалось увести в Копенгаген. К счастью, столь мастерски сплетенная паутина интриги оказалась бесполезной, и корабль на вполне законных основаниях ушел в Данию. А незадолго до Копенгагена стало известно, что он получил наименование "Данмарк", в октябре официально вступив в строй датского флота.

По сравнению с обоими датскими броненосцами для открытого моря, "Данмарк" представлял собой новую ступеньку броненосестроения. Начать с того, что он имел железный корпус, водоизмещением 4770 т., став, таким образом, самым крупным датским кораблем того времени. Кстати, этим фактом и объясняется название корабля "Данмарк" – "Дания".

Номенклатура имен первых датских броненосцев весьма пестрая и бессистемная, по-видимому в ее выборе присутствовал лишь единственный мотив – престиж нации. Так "Дания" (Данмарк) и "Датский государственный флаг" ("Даннеброк") успешно соседствует с вполне реальным адмиралом Педером Скрамом и полумифическим королем Рольфом Краке (таким же легендарным как, например, английским король Артур или славянский князь Бус Белояр), а также просто исторических фигур – братьев Абсаломом и Эсберном Снарре.

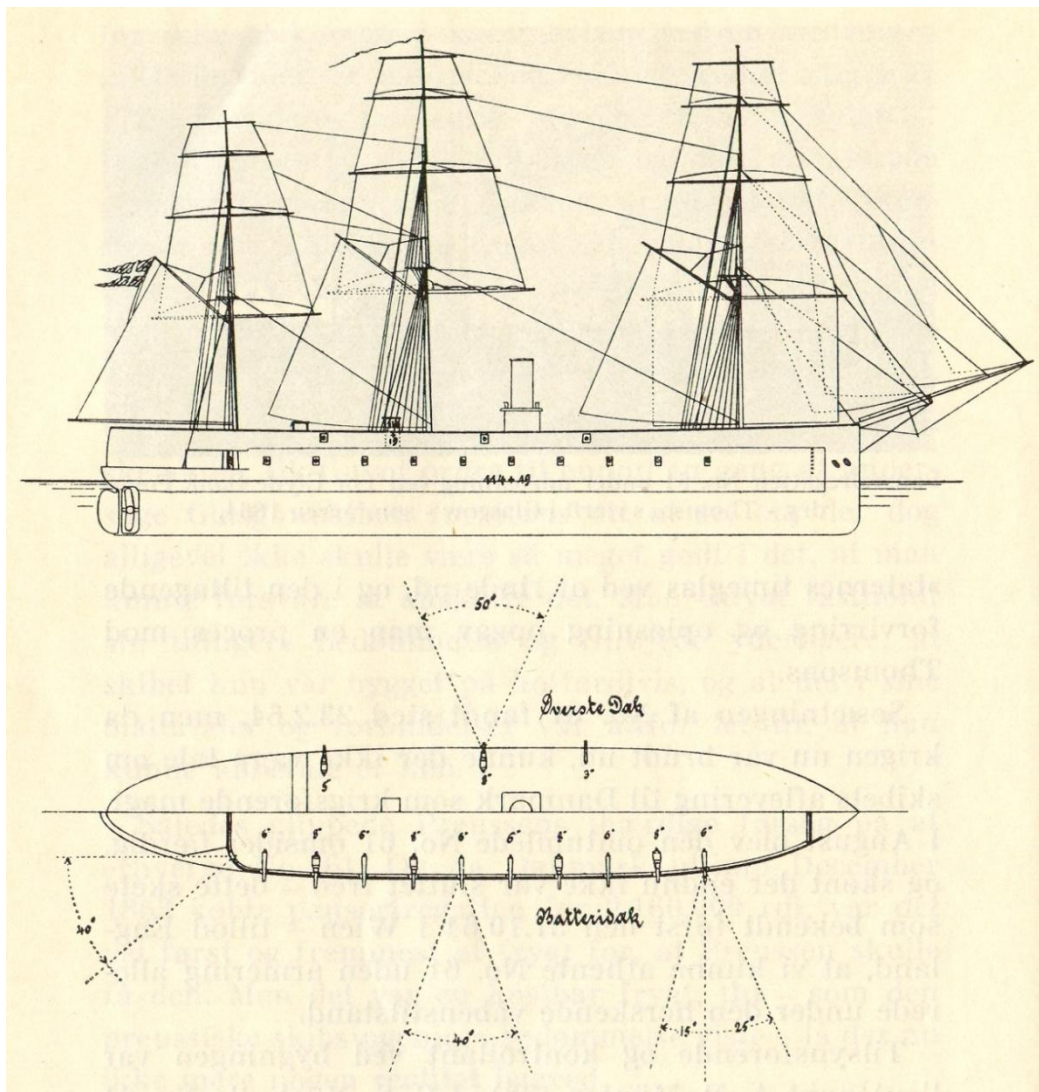
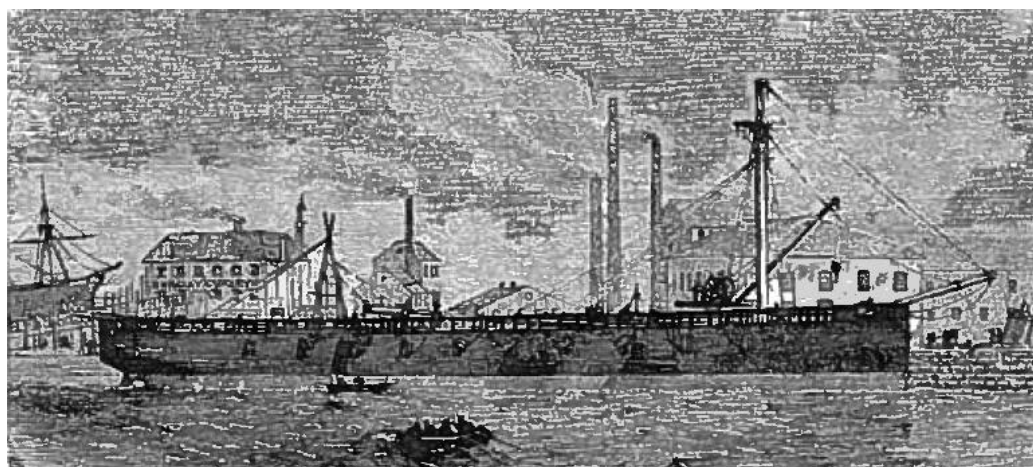

Схема броненосца "Данмарк"

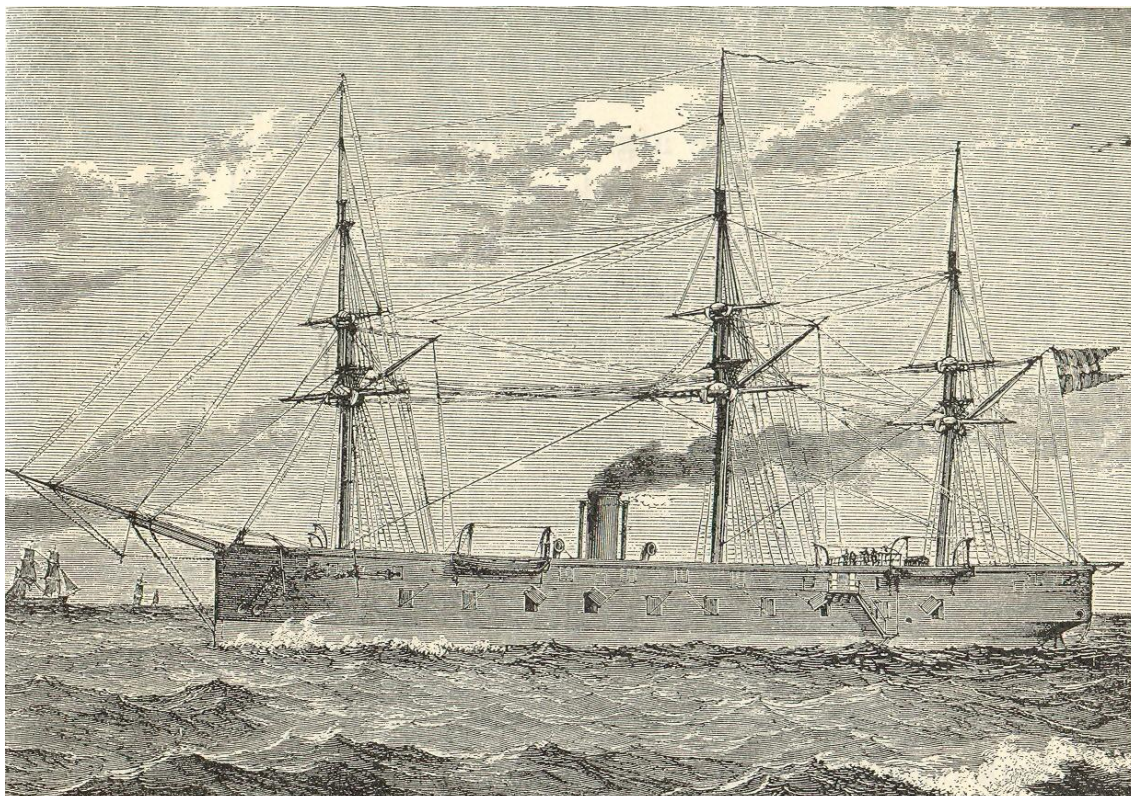

Строительство фирмой Томпсона броненосного фрегата № 61

Длина корпуса "Данмарка" составляла 80,2 м, ширина 14,6 м, осадка 6,4 м. Несмотря на машину мощностью 1000 л.с. корабль имел полный парусный рангоут. В результате под парусами он мог развить до 8,5 уз, а под машиной до 11 уз. Экипаж – 450 чел. Оригинальное вооружение корабля включало 12 203-мм и 10 152-мм нарезных орудий.

Почти сразу же по прибытию в Данию, "Данмарк" стал на модернизацию. Датчанам не понравилось отсутствие возможности маневрирования огнем, и в результате путем частичной перестройки бортов на корабле появились кормовые порты. На вошедшем в строй в 1868 г. обновленном корабле изменился и состав вооружения – на нем установили более мощные 12 203 мм орудий, восемь из которых были 17,6-тонные, а четыре – 14,4-тонные. Для компенсации возросшего веса два 152-мм орудия заменили на 76-мм нарезные.

Броненосец "Данмарк"

В 1869 г. только что вышедший с верфей корабль отправился в дальнее плавание в Норвегию и Северную Атлантику. Впрочем, по ее окончании датские броненосцы первого поколения подобных попыток более не предпринимали. В 1893 г. "Данмарк" отправился в резерв, после чего начал выполнять роль плавучей казармы. В итоге в 1900 г. его исключили из списков флота и в 1907 г. продали на слом.

Карьера остальных датских броненосцев первого поколения оказалась на удивление похожей и не примечательной яркими страницами в послевоенное время, поскольку датчане этого периода избегали каких-либо действий способных вызвать политические осложнения.

Тем не менее, материальная часть содержалась в исключительном порядке. В конце 1860-х все корабли получили новую артиллерию: "Даннеброк" – 6 203-мм и 10 152-мм нарезных орудий, "Педер Скрам" – 8 203-мм, 8 152-мм и 2 76-мм. И это на уже морально устаревших кораблях! Так что все эти меры имели весьма проблематичную ценность, поскольку к 1870 г. "Даннеброк" отправлялся в плаванья лишь эпизодически. В феврале 1875 г. его вывели из состава военно-морского флота с демонтажем брони, артиллерии и части другого оборудования. "Педер Скрам" также в 1870 г. в первый и последний раз принял участие в маневрах в составе эскадры. 7 декабря 1885 г. окончательно устаревший корабль исключили из списков флота, сняв с него машины, броню и артиллерию.

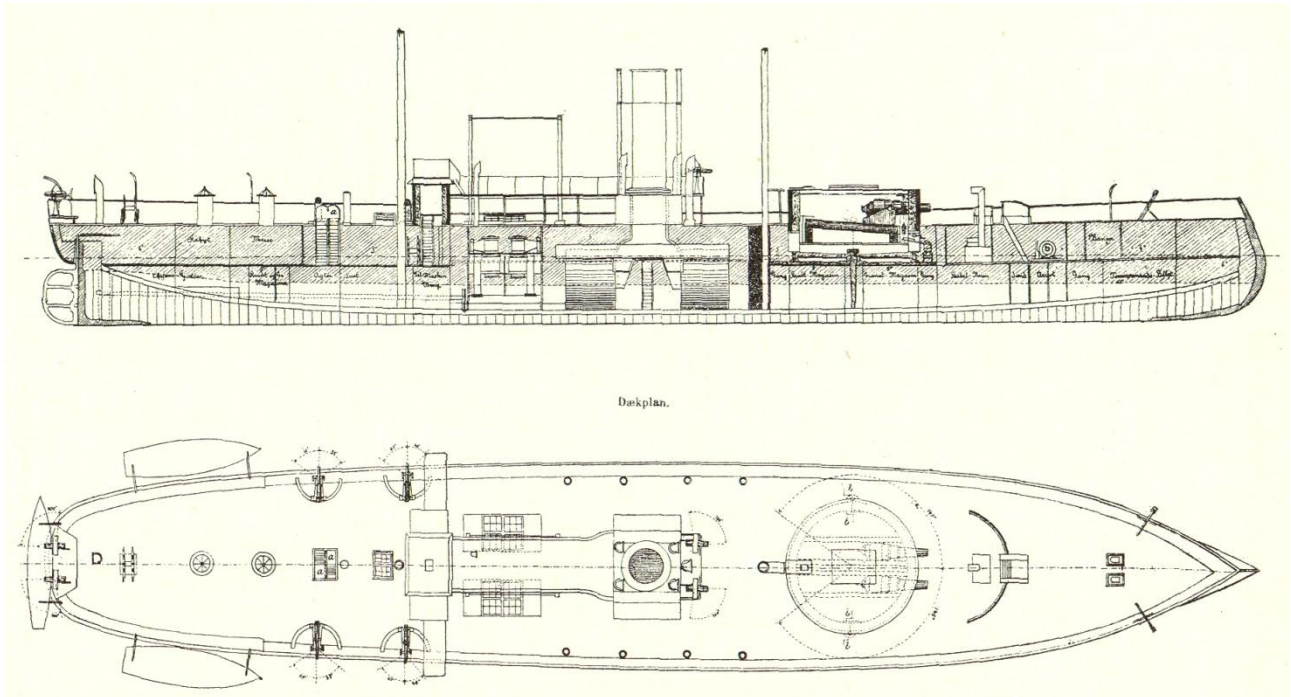
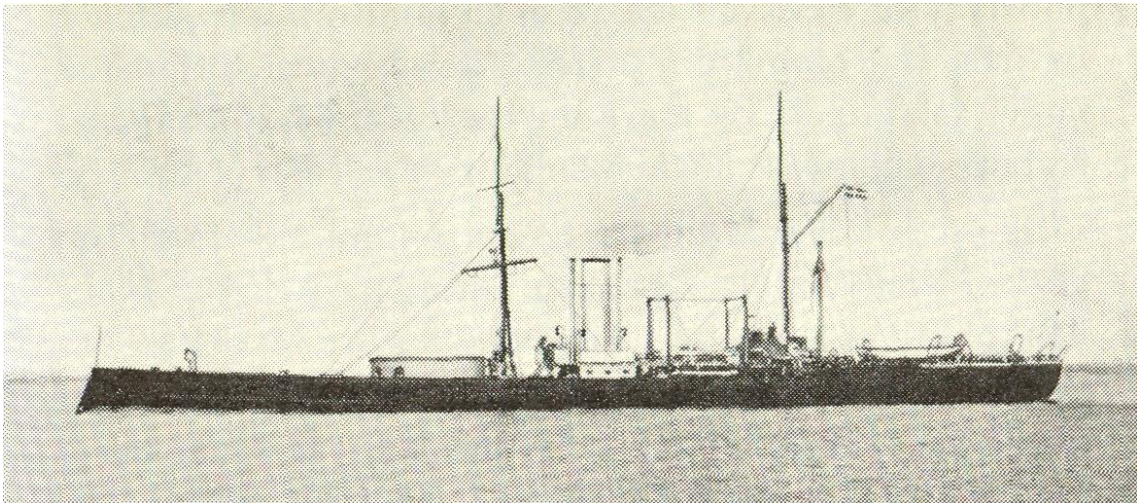

Схема монитора "Линдормен"

Монитор "Линдормен"

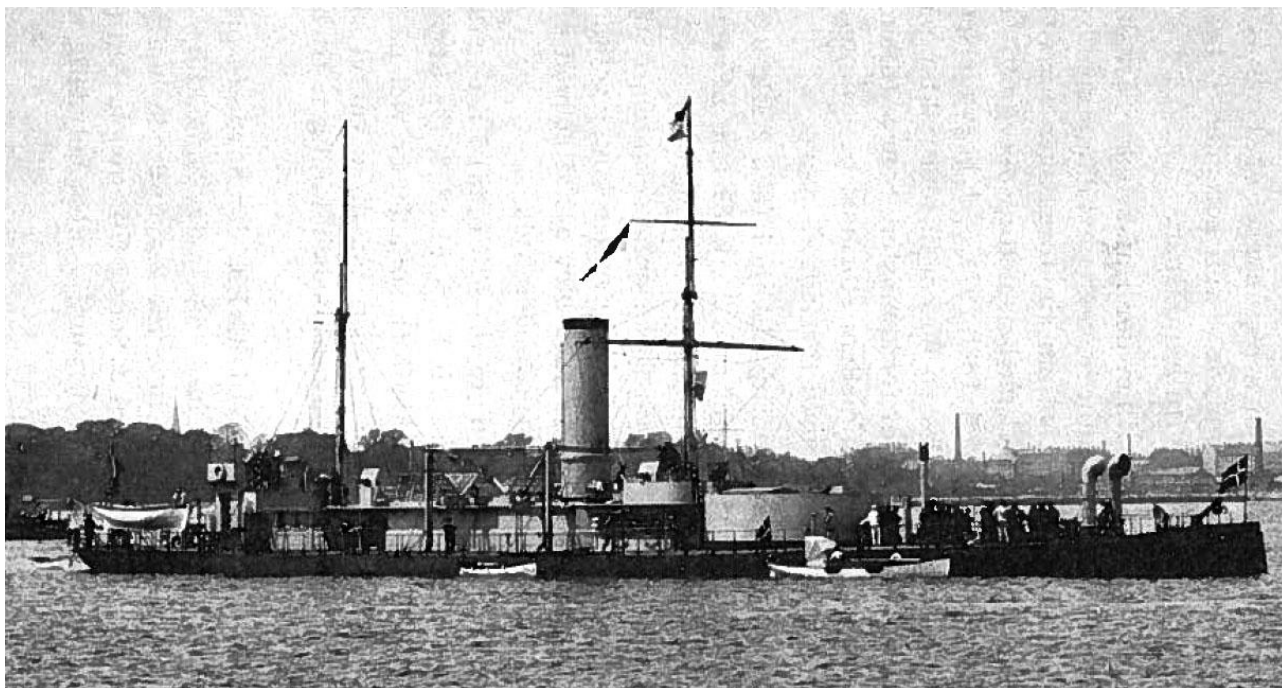
Интересно, что броню обоих кораблей после этого использовали для усиления укреплений Копенгагена, а сами корабли еще долгое время эксплуатировались как блокшивы. "Даннеброк" использовался в этом качестве до 1894 г., когда его преобразовали в плавучую мишень. И лишь в 1897-98 гг. ветеран датского флота отправился на слом. "Педер Скрам" также после разукomплектования долгое время выполнял роль блокшива, плавучей казармы и, наконец, корабля-цели, пока в 1897 г. не отправился на слом.

В отличие от броненосцев для открытого моря, прибрежные броненосцы гораздо дольше соответствовали решению своих задач. Это и предопределило их весьма активное использование. Так первое перевооружение "Рольфа Краке" произошло уже в 1867 г., когда в одной из башен вместо двух старых гладкоствольных пушек корабль получил новейшее нарезное 203-мм орудие. В 1875 г. бортовые гаубицы заменили на две новые 76-мм нарезные. Но наиболее серьезную модернизацию он прошел в 1878 г., когда уже в обеих башнях установили по одному 203-мм нарезному орудью. Наконец, в 1886 г. гаубицы снова

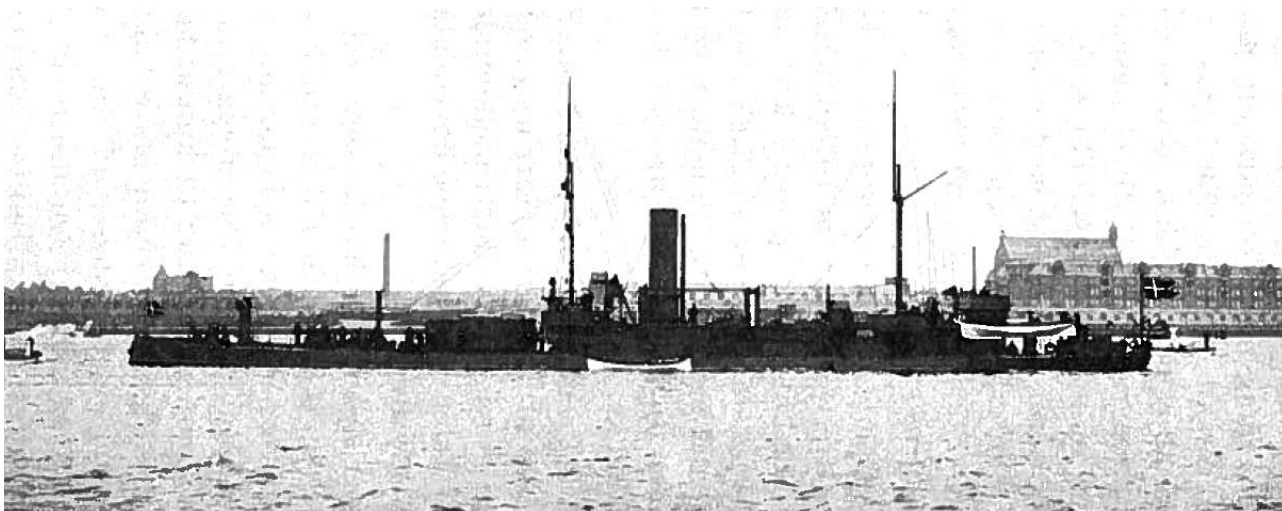

береговую оборону, благо, что многочисленные острова, проливы, бухточки и заливчики этому крайне способствовали.

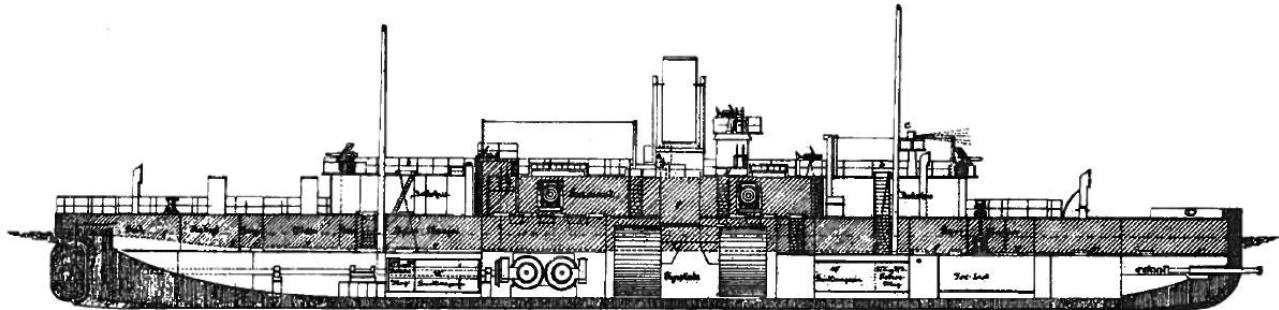
Монитор "Горм" вскоре после ввода в строй

Монитор "Горм", 1898 г.

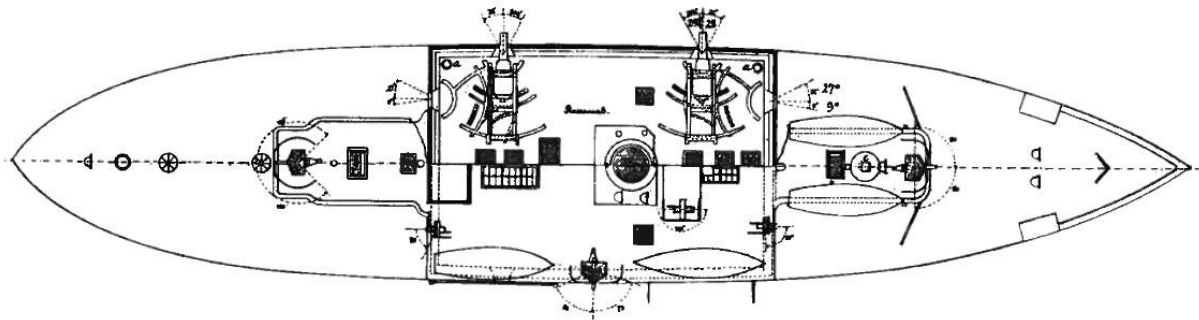
Изменившаяся доктрина заставила провести ревизию своего военно-морского хозяйства, и итоги его стали очень и очень неутешительными. Действительно, из шести броненосных кораблей по поводу двух, "Абсалон" и "Эсберн Снаре" даже сами хозяева не строили никаких иллюзий, классифицировав их как "броненосные шхуны". Три из оставшихся четырех "капитальных" кораблей – броненосцы "Даннеброк", "Данмарк" и "Педер Скрам" также не подходили под новую доктрину, поскольку предназначались для действий в открытом море. В связи с этим они уже к началу 1870-х гг. используются крайне ограниченно, и в скором времени сошли до уровня блокшивов. И лишь один из всей шестерки – башенный монитор "Рольф Краке" вполне соответствовал изменению политической ситуации, что и предопределило его долгую эксплуатацию, и вызвало многочисленное подражание: имеющийся в распоряжении проект корабля послужил

отправной точкой в новых проектах датских броненосцев. По примеру соседней Швеции, строившей броненосцы исключительно своими силами, датчане также решили развивать национальное судостроение. Начались многочисленные командировки специалистов на самые передовые предприятия Великобритании, но, увы, весьма скромный датский бюджет не дал возможность наладить свое производство брони и орудий, ставших настоящей ахиллесовой пятой датских броненосцев.

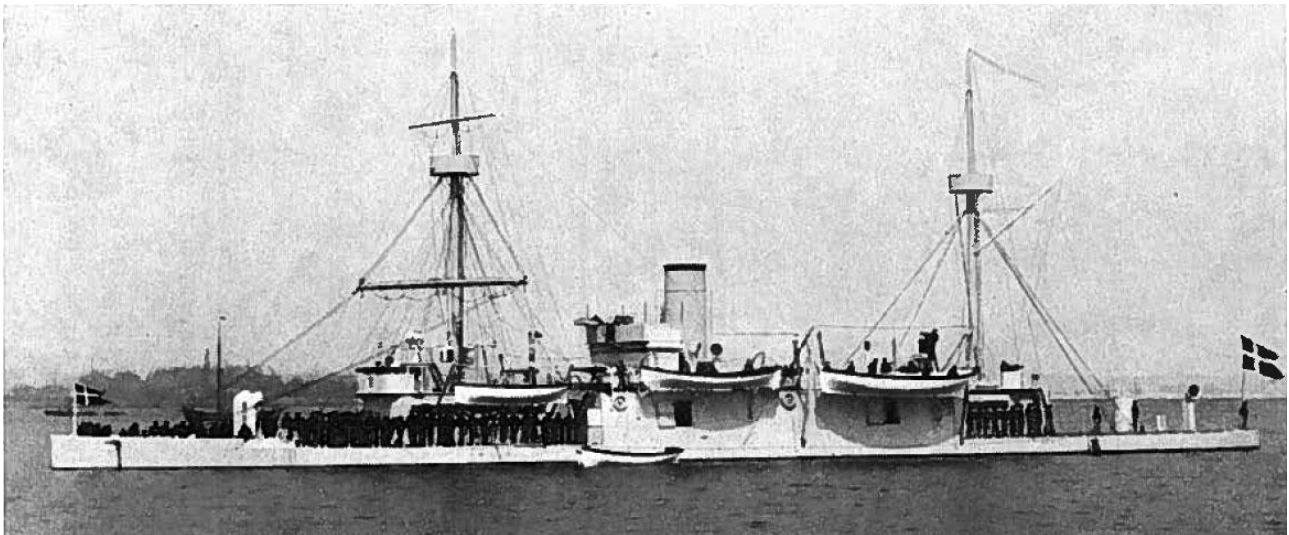

Delvis Plan (Dæk og Kassemat)

- a. Opbejning af 10" Ammunition.
- b. Gæ af 87 og 21 m/m Ammunition.
- c. Projektiler

Первоначальная схема броненосца "Один"

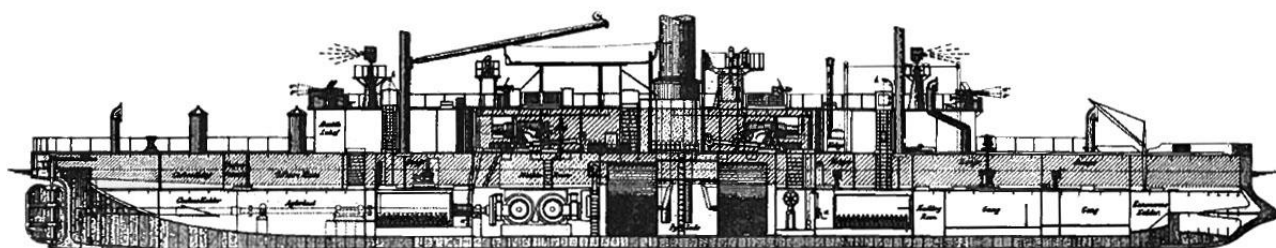
Броненосец "Один", 1885 г.

В сложившейся ситуации датские корабли выбрали, пожалуй единственный реально возможный путь – проводить постепенное увеличение боевых характеристик без всяких революционных скачков, неизбежно сопровождающихся снижением надежности. Так появилась первая серия датских послевоенных кораблей, названная в честь богов скандинавской мифологии.

Техническое задание на новую "броненосную батарею", как официально классифицировался "Рольф Краке", предполагало, что верфь в Копенгагене просто повторит удачный проект при немного увеличенном водоизмещении и более сильном вооружении.

Однако уже первые прикидки показали, что в существующее на "Рольф Краке" башни можно вместить всего одно новейшее 229-мм нарезное орудие (что и было впоследствии реализовано в ходе одной из модернизаций). Тем не менее, в этом случае башня получалась излишне просторной. Вывод напрашивался сам собой, можно было чуть увеличить ее габариты, чтобы вписать второе орудие. Но в этом случае, при установке второй башни, габариты корпуса возрастали до опасных пределов, заставлявших опасаться, что датчане собственными силами смогут его построить. Надо отдать должное датским корабелям, разработавшим практически новый проект, ставший к моменту постройки самым крупным железным датским кораблем. Впрочем, титулы "впервые" и "самый" можно продолжить – это был первый двухвинтовой, впервые с четырехлопастными винтами, первый со столь мощными орудиями, и т.д.

Так был спроектирован первый датский "бог", заложенный в Копенгагене в 1866 г. и названный "Линдорменом", в честь змея, лежащего в основании мира. При водоизмещении 2105 т. он нес в единственной распложенной в носу башне два 229-мм орудия. За ним последовал "Горм", названный в честь легендарного основателя датского королевства. Увеличение водоизмещения на 200 т. датские корабли смогли удачно потратить на размещение в единственной носовой башне еще более мощных 254-мм орудий. И, разумеется, на момент достройки он также обладал всеми титулами "самый-самый" датского флота (самый крупный, самые мощные орудия, самая толстая броня и т.п.). Наконец, в 1871 г. датчане решились на третьем корабле "Одине" ("главе" скандинавского пантеона) установить четыре 254-мм орудия, правда, в общем каземате. Водоизмещение при этом перевалило за 3000 т., но полученный опыт строительства предыдущих кораблей дал возможность с успехом реализовать проект своими силами.

a. Ophjstning af Ammunition til 25^{cm} K.
b. do. - do. - 87 mm P.K.
og - Maskinskyts.

Delvis Plan af Dæk og Kasemat.

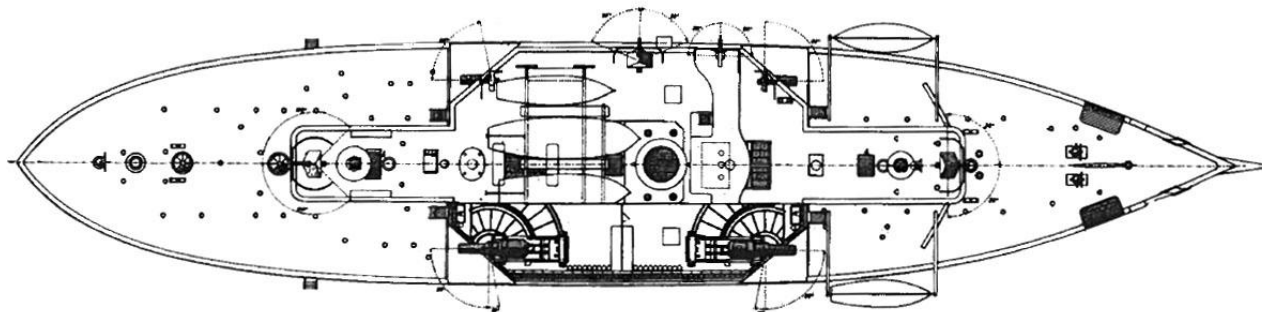

Схема броненосца "Один" после реконструкции

Как и орудия, машины для всей тройки также поставлялись из Великобритании, и их мощность тоже росла от единицы к единице. И в итоге, не смотря на увеличение размеров, все они могли развить скорость в 12–12,5 уз., составив тем самым весьма однородный броненосный отряд.

Интересно отметить, что карьера у всей тройки также сложилась более-менее одинаково. Сразу по вводу в строй единицы начинали свою активную карьеру, каждый год пунктуально участвуя в маневрах флота. В 1885 г. датчане приняли решение все броненосные корабли водоизмещением свыше 2400 т. именовать броненосцами, но как ни странно на всю тройку это новшество не распространилось и они, вместе с "Рольф Краке", продолжали числиться как броненосные батареи. К концу 1880-х гг. первенцы датского броненосцестроения окончательно устарели, но поскольку парламентарии с трудом выделяли средства на новое судостроение, флоту удавалось добиваться ассигнования на весьма недешевый ремонт с перевооружением. Наиболее радикальную перестройку прошел самый мощный корабль серии "Один". Хотя номинально его вооружение при этом не изменилось, 254-мм орудия главного калибра с длиной ствола всего 16 калибров прошли уникальную модернизацию, аналогичную конвертации орудий среднего калибра в скорострелки. Разумеется, при этом скорострельными они не стали, но темп стрельбы орудия, конвертированного из дульнозарядного в казнозарядное, существенно возрос. Кроме того, перестроенные надстройки стали давать существенно большие сектора для орудий, прежде всего для среднего калибра. Из конструкции постарались удалить легковоспламеняющиеся материалы, и даже применить легкое бронирование. В ходе всех этих мероприятий водоизмещение старого корабля возросло до 3200 т, а, поскольку размерения корпуса не изменились, осадка также увеличилась до 5 м. Дефицит средств не позволил поставить новые машины, но, к чести датским морякам, квалифицированно следившим за имевшимися, рост водоизмещения лишь ненамного уменьшил скорость. В целом, опыт модернизации "Одина" можно все-таки охарактеризовать как деньги, выброшенные на ветер, поскольку датчане получили в итоге чуть обновленный, но все также безнадежно устаревший корабль. Вероятно по этой причине, модернизацию следующего броненосца "Горм" провели в эконом-варианте. В 1903 г. он получил новые 152-мм орудия с унитарным заряданием, переданные с фрегата "Фюн", но в море с ним ему уже не довелось выйти. Вместе с "Одином" броненосцы официально переклассифицировали в "корабли береговой обороны", и включили в систему береговых батарей Копенгагена. На еще более старом "Линдормене" вообще воздержались от каких-либо работ. С 1889 г. он в основном проводит на приколе, пока в 1907 г. его вместе с "Рольф Краке" не продали на слом в соседнюю Голландию. 12 июня 1912 г. "Горма" и "Одина" также исключили из списков флота и вскоре продали на слом в Германию. При этом "Горм" установил своеобразный рекорд долголетия для броненосцев, пробыв в строю целый 41 год!

Примечания:

1. Mitiuckow N. Duńskie pancerniki, część I // Okręty Wojenne. 2014. № 5. S. 2–18.
2. Mitiuckow N. Duńskie pancerniki, część II // Okręty Wojenne. 2014. № 6. S. 27–39.
3. Nielsen E. Panserbatteriet Rolf Krake og Krigen i 1864 // http://www.milhist.dk/vaaben/vands/rolf_krake/rolf_krake_dk.htm.
4. Steensen R.S. Vore panserskibe 1863-1943. København: Strubes Forlag, 1968.
5. Дания против Пруссии и Австрии // Морская война. 2011. № 3. С. 12–26.
6. Действия флота против берега в ходе датской войны // Морская война. 2011. № 5. С. 13–22.
7. Каторин Ю.Ф., Ачкасов Н.Б. Мониторы и броненосцы береговой обороны. СПб.: Галея-Принт, 2012. 134 с.
8. Каторин Ю.Ф., Гайдук А.А. Броненосцы береговой обороны стран Северной Европы. СПб.: Гангут, 2014. 52 с.
9. Митюков Н.В. Не бог, ни царь и не герой // Наука и техника. 2013. № 10. С. 40–46.

References:

1. Mitiuckow N. Duńskie pancerniki, część I // Okręty Wojenne. 2014. № 5. S. 2–18.
2. Mitiuckow N. Duńskie pancerniki, część II // Okręty Wojenne. 2014. № 6. S. 27–39.

3. Nielsen E. Panserbatteriet Rolf Krake og Krigen i 1864 // http://www.milhist.dk/vaaben/vands/rolf_krake/rolf_krake_dk.htm.
4. Steensen R.S. Vore panserskibe 1863-1943. København: Strubes Forlag, 1968.
5. Danija protiv Prussii i Avstrii // Morskaja vojna. 2011. № 3. S. 12–26.
6. Dejstvija flota protiv berega v hode datskoj vojny // Morskaja vojna. 2011. № 5. S. 13–22.
7. Katorin Ju.F., Achkasov N.B. Monitory i bronenoscy beregovoju oborony. SPb.: Galeja-Print, 2012. 134 s.
8. Katorin Ju.F., Gajduk A.A. Bronenoscy beregovoju oborony stran Severnoj Evropy. SPb.: Gangut, 2014. 52 s.
9. Mitjukov N.V. Ne bog, ni car' i ne geroj // Nauka i tehnika. 2013. № 10. S. 40–46.

УДК 94(489)

Первые датские броненосцы

Николай Витальевич Митюков

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Доктор технических наук, профессор
E-mail: nico01@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается история развития первых датских броненосцев: от броненосных шхун "Абсалон" и "Эсберн Снаре" до броненосца "Один". Анализируются основные закономерности появления разных типов кораблей, история их боевого применения.

Ключевые слова: Дания, история, броненосное судостроение, броненосец, монитор, военно-морское соперничество.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 8, Is. 2, pp. 104-118, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.104
www.ejournal6.com

UDC 93/94

«European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals

Artyom Y. Peretyatko

Children's Creativity Center of Railway district of Rostov-on-Don, Russian Federation
10, Vereshchagina Street, Rostov-on-Don 344101
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the history of Eastern European irregular troops, widely spread in Russia, in the Polish–Lithuanian Commonwealth and in the Habsburg possessions in the XVI–XVII century. It substantiates the position that all such troops, in particular, the Cossacks, Grenz infantry and lancers, was a single phenomenon, and to understand some of the peculiarities of their evolution should consider their history comprehensively.

Based on the approaches proposed by F. Mehring, the article concludes that the proliferation of irregular parts in the Christian Eastern Europe was the result of specific socio-political conditions, especially long wars and borders of the Asian type. In these circumstances, governments were created or were invited to the service of paramilitary units, instead of receiving wages various benefits. The result is a system of irregular troops, the geographical scope of which was limited to the Adriatic sea and the Urals.

Keywords: irregular troops, Cossacks, Grenz infantry, Russia, Polish–Lithuanian Commonwealth, Habsburg possessions, F. Mehring.

Введение

В XVI–XVIII вв. иррегулярные войска составляли важную часть армий стран Восточной Европы: Российской империи, Речи Посполитой, Хорватии и Венгрии (последние две страны в это время входили в состав домена Габсбургов, в российской историографии традиционно именуемого Австрийской империей). В 1757 г. австрийский конный отряд, составленный из солдат Военной Границы, взял Берлин [1], а в 1760 г. в столицу Пруссии вошли казачьи части [2]. Вряд ли в это время кто-то мог предположить, что Семилетняя война станет важнейшей точкой отчета для последующей ликвидации восточноевропейских иррегулярных войск в их прежнем качестве, и уже в следующем столетии понятия «гусар» и «улан» будут использоваться исключительно для обозначения регулярной кавалерии, а государственные деятели России и Австрии будут рассматривать проекты ликвидации казаков и граничар.

Чем же были они, восточноевропейские иррегулярные войска? Почему в XV–XVI вв. правительства Московии и Литвы, Венгрии и Священной Римской Империи привлекали под свои знамена татар и сербов, брали под свое покровительство донских и днепровских

казаков, определяли обязанности и права гусар и граничар? Почему все эти военные формирования, кроме граничар и казаков, исчезли или были преобразованы в регулярные части почти одновременно, в конце XVII–XVIII вв.? И, главное, насколько схожи между собой были восточноевропейские иррегулярные войска? Можно ли рассматривать их, как единый феномен?

Материалы и методы

Добиться ответов на эти вопросы мы попытаемся, используя историко-сравнительный и историко-системный методы. Сопоставление многочисленных работ, затрагивающих различные аспекты функционирования восточноевропейских иррегулярных войск, должно помочь нам понять степень их сходства между собой и причины их востребованности в конкретной военно-политической ситуации того времени. Поскольку некоторые детали организации польских и австрийских иррегулярных частей не нашли освещения в отечественной историографии, для их уяснения мы будем широко привлекать исследования иностранных авторов. На основании этих материалов мы попытаемся сформировать представление о восточноевропейских иррегулярных войсках как об определенной системе военной организации.

При использовании историко-системного метода нами неизбежно будут затрагиваться те сюжеты политической и экономической истории, которые связаны с военной организацией восточноевропейских иррегулярных частей. Следствием этого является использование не только военно-исторических, но и более общих работ, в частности, по национальной истории. Однако специальное исследование общих черт гражданского и экономического устройства восточноевропейских иррегулярных войск выходит за рамки данного исследования.

Обсуждение

Идея о том, что между российским казачеством и австрийскими граничарами существует определенное сходство восходит еще к XIX в.. В 1865 г. Военным Министерством была предпринята попытка напрямую ознакомиться с опытом Военной Границы, чтобы использовать его во время реформы казачьих войск: российский военный агент в Вене барон Ф.Ф. Торнау получил задание составить доклад о переводе граничар с военнообязанного состояния на гражданское [3]. Однако доклад Ф.Ф. Торнау оказался не слишком востребован, и, хотя этот документ и использовался Н.И. Красновым при оценке экономической выгоды Донского и Оренбургского казачьих войск для казны [4], сколько-либо устойчивого интереса к австрийскому опыту реформирования иррегулярных частей не сформировалось ни в военной, ни в научной среде.

И в настоящее время мысль о сходстве между казачеством и граничарами в большей степени характерна для иностранной, а не отечественной литературы. Так, А. Каппелер в своей монографии по истории казачества прямо утверждает, что «как видно, сходство (Военной Границы – А.П.) с казаками России поразительное. Детальное сравнение, конечно, может дать дальнейшее разъяснение феномена пограничных сообществ в целом и особенно истории казаков» [5]. Из российских научных работ по истории казачества имеет смысл выделить только коллективный труд «Казачий Дон. Очерки истории», в котором была предпринята попытка охарактеризовать «казачий феномен во всемирной истории» [6]. К сожалению, авторы ограничились перечислением «субэтнических военизированных общностей», в число которых, наряду с граничарами и казаками, попали японские самураи и карибские флибустьеры, с минимальной конкретизацией сходств и различий. Нам представляется бесперспективным подобное сопоставление военно-общественных институций, сформировавшихся в разное время на противоположных концах земли, при наличии минимального внешнего сходства. Впрочем, и иностранные авторы, в частности А. Каппелер, констатировав особенно близкое сходство между казаками и граничарами, на наш взгляд, только сформулировали проблему, но не разрешили ее.

Единственная попытка выявить конкретные общие черты эволюции казаков и граничар в отечественной историографии связана с изучением истории Новой Сербии и Славяносербии, регионов на территории современной Украины, на земли которых в середине XVIII в. переселялись колонисты из владений Габсбургов. Предполагалось, что они

сохранят прежнюю организацию, предусматривающую получение участка от правительства вместо постоянного жалования, и будут выставлять гусарские и пандурские полки [7]. Фактически речь шла об опыте создания в России иррегулярного войска по австрийскому образцу, призванного не только защищать южные границы, но и помогать правительству контролировать не всегда лояльное днепровское казачество [8]. Прошлое Новой Сербии и Славяносербии изучено в отечественной и украинской историографии достаточно подробно, причем внимание исследователей привлекали самые различные его аспекты: в дореволюционный период наибольший интерес вызывало сопоставление различных этапов привлечения иностранных поселенцев в Россию, в советский актуальны были сюжеты, связанные с российско-южнославянской дружбой, а с 1990 гг. на первое место выходит вопрос о сербо-украинских взаимоотношениях и роли сербов в истории Украины [9]. Нет ничего удивительного, что сходство организации казаков и граничар привлекло внимание исследователей истории сербских колонистов на Украине. Накопление и систематизация информации о причинах переселения с Военной Границы в Россию привели к тому, что А.И. Кирпеченком была высказана мысль о явной параллели между процессами, проходившими в Военной Границе и в российских казачьих войсках в середине XVIII в. По его мнению, и у граничар, и у казаков вследствие правительственных реформ происходило укрепление дисциплины и приближение системы службы к принятой в регулярной армии, причем подобная политика вызывала серьезное недовольство на местах [10]. На наш взгляд, только сопоставление одновременных процессов в российских казачьих войсках и в Военной Границе, а не констатация абстрактного сходства между ними, способно привести исследователя к обоснованным научным выводам. А. Каппелер в приведенной выше цитате призывает историков к применению данного подхода, однако, как мы видим, пока что его использование в отечественной историографии ограничено единичным случаем.

Если сходство между казаками и граничарами было хотя бы отмечено несколькими отечественными авторами, то вопрос о сопоставлении российских казачьих войск и других восточноевропейских иррегулярных формирований в российской историографии не поднимался. Нужно отметить, что история восточноевропейских иррегулярных войск вообще мало привлекала отечественных исследователей. В случае с граничарами, которые лучше всего известны в России, не сформировалось даже общеупотребительного термина для их наименования, что хорошо характеризует степень не изученности проблемы. Различными авторами использовались такие их обозначения, как «кроаты» [11], «гранычары» [12], «пограничные войска» [13] и «пограничная пехота» [14]. «Военный лексикон», уделивший им минимум внимания, в статье «Кроация» предлагает еще одно обозначение, впрочем, не прижившееся: «постоянное поселенное войско» [15]. «Военная энциклопедия» И.Д. Сытина содержит достаточно подробную статью про «граничар», где отмечено и их сходство с казачеством [16], однако в «Советской Военной Энциклопедии» аналогичная статья отсутствует, как и вообще какой-либо термин для обозначения вооруженного населения Военной Границы. Во многом это связано с отечественной историографической традицией, в рамках которой отдельные материалы о прошлом восточноевропейских иррегулярных войск оказались разбросаны по страницам книг, посвященных военной истории, истории зарубежных стран и этнографии, и не рассматривались комплексно. Военной Границе еще относительно повезло, поскольку ее истории неизбежно уделялось относительно большое внимание в рамках национальной истории Хорватии. Поскольку прочие восточноевропейские иррегулярные войска не сыграли сравнимой роли в истории национальных государств, в отечественной историографии они были изучены в еще меньшей мере и вопроса об их сходстве с казачеством даже не ставилось.

Между тем знакомства с вовлеченной в научный оборот информацией по ранней истории польских улан достаточно, чтобы отметить их сходство как с граничарами, так и с казачьими войсками. В конце XIV в. в Литву бежало значительное количество татар, сторонников Тохтамыша, которым были дарованы освобождение от податей, земельные участки и право не менять веру. В свою очередь, татары были обязаны в случае войны выходить на службу не только не получая жалование, но и со своим снаряжением [17]. Польскими авторами отмечалось, что «в счастливые времена великих литовских князей

татары являлись исключительно военным классом» и использовался в их отношении термин «военное сословие». В 1659 г. были даже уравнены денежные выплаты служилым татарам и реестровым казакам, что ясно свидетельствовало о сходстве, которое польское правительство видело между ними [18]. Со временем та часть польской армии, которую во время войны выставляли татары, получила название улан, и была преобразована в полки регулярной кавалерии в XVIII в. [19]. После разделов Польши регулярные уланские полки были созданы и в российской армии [20], но ранняя история улан в отечественной историографии изучалась почти исключительно в связи с этнографией белорусских татар, а не военной историей.

В число восточноевропейских иррегулярных войск входили не только казаки, граничары и уланы, но и другие иррегулярные части, получившие наибольшее распространение в Венгрии. Однако, к сожалению, работы по ранней истории венгерских гусар, до их превращения в регулярную кавалерию, на русском языке фактически отсутствуют. То же самое относится и к пандурам, венгерской иррегулярной пехоте. Отдельного внимания заслуживает вопрос о российских иррегулярных войсках кроме казачества. Уже И.Д. Беляев отмечал, что большая часть боярских детей, составлявших значительную часть русской конницы в XVII в., получала за службу землю вместо жалования и в мирное время не несла военной службы [21]. Стрелецкое войско в своем развитии так же эволюционировало в направлении замены хлебного жалования земельным наделом [22].

Таким образом, история большинства восточноевропейских иррегулярных войск не сопоставлялась в отечественной историографии с историей казачества, а там, где проводилось сравнение казаков и граничар, оно обычно ограничивалось общим указанием на наличие некоего сходства, с минимальной его детализацией. Более того, в принципе не ставилось вопроса о существовании восточноевропейских иррегулярных войск как некоего единства, со своими особенностями и общими тенденциями в эволюции. Однако даже приведенных выше фактов, носящих самый общий характер, достаточно, чтобы предположить существование черт, характерных для большинства восточноевропейских иррегулярных войск, но совершенно не свойственных западноевропейским армиям XVI–XVII в.

Ниже мы попытаемся составить их более подробный и детализированный список, в чем нам поможет подход, разработанный Ф. Мерингом в его военно-исторических трудах. Развивая положения, высказанные Ф. Энгельсом о военной истории, Ф. Меринг рассматривал военную организацию различных исторических армий как производную от социально-экономического устройства соответствующих стран. С его точки зрения, военное искусство заключалось именно в понимании тех возможностей и ограничений, которые порождались конкретными историческими условиями. Подобный подход позволил ему связать эволюцию военного дела в XVI–XVIII в. с политическим и экономическим развитием Западной Европы и показать, почему переход сначала от рыцарской кавалерии к наемным армиям, а от них к армиям постоянным был неизбежен [23]. В меру своих сил мы попытаемся применить данный метод к восточноевропейским государствам и их армиям, чтобы выявить политические и экономические предпосылки возникновения и исчезновения иррегулярных подразделений в них. Кроме того, у Ф. Меринга нами заимствована сама идея (так же восходящая к Ф. Энгельсу) рассмотрения схожих по системе организации войск как единого феномена, для которого большее значение имеет не сходство отдельных черт, но одновременность протекающих в них процессов. Нам представляется, что подобный подход позволит иначе взглянуть на историю казачества, выявить в ней закономерности и узловые точки, которые не привлекали внимания исследователей, рассматривавших его как изолированное явление.

Мы используем термин «восточноевропейские иррегулярные войска», поскольку в отечественной историографии обычно применяют определение «иррегулярные» по отношению к казачьим частям. Однако при попытке уточнить значение данного определения, мы столкнулись с серьезными сложностями. «Военный лексикон» предлагает считать иррегулярными «войска, которые, не входя в состав постоянной и правильно устроенной (регулярной) армии, иногда формируются только в военное время и потом опять распускаются» [24]. В «Военном словаре» И.Д. Сытина дается два определения иррегулярных войск: «войска, не имеющие правильной организации» и «войска, по

комплектованию, организации и обучению значительно отличающиеся от регулярных войск» [25]. Подобная идея развивается и в «Советской военной энциклопедии», в которой предлагается считать иррегулярными не только «войска не имеющие единой, постоянной организации», но и «войска, по комплектованию, прохождению службы, обучению, вооружению и обмундированию значительно отличающиеся от регулярных воинских частей» [26]. Второе определение построено по негативному принципу, определяя не то, чем являются иррегулярные части, а то, чем они не являются. В результате под него попадают самые различные исторические вооруженные формирования, часто не имеющие между собой ни организационной, ни функциональной общности. Если «Военный словарь» хотя бы утверждает, что иррегулярные войска получили распространение после XVII в. [27], то «Советская военная энциклопедия» не ставит никаких хронологических рамок, в результате чего «иррегулярными» оказываются как казаки, так и кавалерия древних египтян, объединенные на том основании, что их солдаты несли службу, «как правило, имея собственное вооружение, одежду и верховых лошадей» [28]. Однако с 1835 г. казаки гвардейских полков выставляли за свой счет только лошадей; в 1870 гг. и в отношении армейских казачьих полков правительство перешло к политике централизованных закупок оружия, причем винтовка покупалась за счет казны и оставалась ее собственностью [29]. Поэтому определение «Советской военной энциклопедии» не может быть в полной мере применено к казачеству конца XIX – начала XX вв. Еще более неудачным в исторической перспективе представляется определение «Военного лексикона», поскольку к 1880 гг. казачество окончательно вошло в состав российской регулярной кавалерии: в штатный состав кавалерийских дивизии были включены казачий полки [30], а обучение малолеток велось в соответствии с общекавалерийскими уставами [31]. С учетом данных фактов заслуживает особого внимания мнение Н.И. Краснова, который считал, что казаки к середине XIX в. уже не были иррегулярной кавалерией, но представляли собой особый вид кавалерии легкой [32]. Изучение эволюции «восточноевропейских иррегулярных войск» способно, на наш взгляд, прояснить неоднозначный вопрос о соотношении регулярного и иррегулярного организационных принципов в истории донского казачества, и понять некоторые малоизученные причины изменения этого соотношения.

Результаты

Восточноевропейские иррегулярные части сформировались в специфических условиях пограничья между христианским и мусульманским миром, в условиях постоянной военной угрозы. Не будет преувеличением сказать, что их создание стало своеобразным «ответом» на восточную агрессию. (Любопытно отметить, что А. Тойнби именно так и трактовал казачество в рамках своей цивилизационной концепции, хотя его представления о деталях жизни раннего казачества весьма далеки от принятых в отечественной историографии [33]). В XVI в. западноевропейские армии представляли собой сборище ненадежных наемников, фактически подчиняющихся своим лидерам, а не нанявшим их государствам [34]. Более того, содержание подобных отрядов до середины XVII в. обходилось настолько дорого, что собрать большую армию представлялось почти невозможным [35]. Наемники нанимались непосредственно перед войной или в ее ходе, в мирное время какой-либо костяк армии отсутствовал [36]. Ф. Меринг указывает так же на то, что эти солдаты служили любому платежеспособному правительству, независимо от собственной религиозной и национальной принадлежности. Так, немецкие ландскнехты, помогавшие Карлу V в борьбе с протестантскими правителями, сами были фанатичными протестантами [37], а в ходе Нидерландской революции голландская армия состояла из немцев, англичан, шотландцев и французов [38]. В случае длительной войны наемные армии становились опасны для собственных нанимателей, которым редко удавалось вовремя платить им, и в войсках постоянно царил возмущение [39].

Подобные части не могли выполнять всех тех задач, которые вставали перед государствами Восточной Европы. Во-первых, войны с восточными соседями в этом регионе часто бывали затяжными, причем без длительных пауз (Кандийская война, например, длилась 14 лет [40]). Во-вторых, серьезнейшую угрозу представляли собой набеги турок и татар на мирные поселения. Д.В. Сень в одной из своих последних работ отмечает, что до начала XVIII в. граница между Россией и Османской Империей (а так же ее вассалами) не

являлась границей в европейском понимании этого слова. Он считает возможным применять к более раннему периоду термин «граница азиатского типа», предложенный Д.Н. Замятиним. Под последним подразумевается «большая барьерная территория, полоса между государствами, слагающаяся из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных, структур как огромная геополитическая чересполосица». В этих условиях защиту от набегов, которые проводились и в «мирное» время, могли оказать только сильные пограничные войска [41]. Схожая ситуация, на наш взгляд, существовала и в других восточноевропейских государствах. Например, в Хорватии набеги мусульман из Боснии носили хронический характер, и решением данной проблемы были вынуждены озаботиться сначала местные землевладельцы, а затем и австрийские власти [42] (в дальнейшем мы будем употреблять данный термин для удобства и по сложившейся в отечественной историографии традиции при обозначении правительства владений Габсбургов, хотя формально последние были преобразованы в Австрийскую империю только в начале XIX в.). Для борьбы с набегами была создана цепь укреплений и дозорных пунктов, в которых первоначально были размещены гарнизоны из западноевропейских наемников. Однако очень быстро выяснилось, что расходы на них чрезмерно разорительны, и австрийские власти перешли к политике переманивания христианских жителей с турецких земель, предоставляя им за службу не деньги, а участок земли, хлебное довольствие, освобождение от части повинностей и право самим ходить в набеги на турецкие земли [43].

Из сопоставления этого примера с ранней историей донского казачества видно, что сходство между восточноевропейскими иррегулярными войсками было именно функциональным. Их происхождение могло быть совершенно различным: донские казаки, по традиционной версии, являлись беглецами из России на «ничейные» земли [44], польские уланы вследствие обстоятельств перешли на службу правителю своей не родной страны [45], гусары изначально представляли собой местное конное ополчение (первый регулярный гусарский полк в армии Габсбургов появился только в 1686 году) [46]. Однако их объединяла схожая задача, в корне отличающаяся от задачи западноевропейских наемных армий той эпохи: защищать конкретное государство или территорию от иноверческой, как правило, угрозы, которая могла выражаться не только в форме войны европейского типа (для нее были характерны либо краткость, либо существенные паузы в ходе боевых действий), но и в форме затяжной войны без «пауз», а так же в форме набегов. На наш взгляд, в список важнейших особенностей восточноевропейских иррегулярных войск той эпохи, отличающих их от западноевропейского наемного войска, можно включить следующие пункты (мы не считаем данный список окончательным):

1) Полная или частичная замена жалования какими-либо привилегиями. Как мы писали выше, граничары и уланы освобождались от повинностей и получали земельный надел; значительная часть стрельцов так же в награду за службу получала землю. В этом случае, к которому, на наш взгляд, можно отнести и казачество, особенно реестровое и служилое, привилегии получал служивший лично. Другим распространенным способом комплектования восточноевропейских иррегулярных войск было обязательное выставление дворянами определенного количества вооруженных и относительно обученных солдат с указанного надела или числа людей. Подобный принцип комплектования был характерен не только для русского поместного войска [47], но и, первоначально, для венгерских гусар [48]. В итоге расходы центральных властей, не обязанных платить жалование каждому солдату, были существенно ниже, чем на содержание наемной армии равной численности.

2) Наличие военного костяка в мирное время. Специфика западноевропейской наемной армии, как мы уже отмечали, не позволяла содержать сколько-либо значительные отряды в промежутках между войнами. Однако в условиях непрерывных набегов различие между «мирным» и «военным» временем стиралось, и возникала необходимость в постоянном существовании пограничных частей. Полный роспуск большей части армии после заключения мира, принятый в Западной Европе, был в принципе крайне невыгодным делом, поскольку имелись случаи, когда перед следующей войной проигравшая сторона переманивала наемников выигравшей [49]. Поскольку меньшие расходы на жалование солдатам восточноевропейских иррегулярных войск позволяли не увольнять их полностью

после заключения мира даже там, где пограничных отрядов не было, вариант с сохранением военного костяка в мирное время был реализован повсеместно.

3) Существование иррегулярного войска в конкретном государстве. Вследствие первого пункта, иррегулярное войско могло существовать только там, где его привилегии были гарантированы. Если наемники в западноевропейских армиях свободно переходили от одного нанимателя к другому, то уланы могли существовать только в Речи Посполитой, граничары только в Австрии, стрельцы только в России. Определенное исключение представляли собой казаки, чьи привилегии были гарантированы в Речи Посполитой, в России и на фактически независимых казачьих территориях Дикого поля, а так же гусары, на феномене которых мы подробнее остановимся чуть ниже. В любом случае, привязка восточноевропейских иррегулярных войск к конкретной стране была выражена значительно четче, чем в наемных армиях.

4) «Привязка» иррегулярного войска к одному или нескольким этносам была порождена тем, что иррегулярные части комплектовались или, подобно гусарам и стрельцам, на основе населения одной страны, или, подобно уланам и казакам, из переселенцев относительно однородного национального состава. Данная тенденция была характерна и для некоторых войск западной Европы, например, швейцарских наемников или немецких ландскнехтов [50], однако доминирующей не стала.

5) Вовлеченность солдат иррегулярных войск в местные крестьянские восстания. В отличие от западноевропейских наемников, которые полностью отрывались от мирного населения и фактически становились грабителями [51], солдаты восточноевропейских иррегулярных войск в мирное время были нормальной частью жителей соответствующей страны или региона. Неудивительно, что в некоторых случаях они выступали в качестве участников народных восстаний, причем, как отмечал еще А. Каппелер, почти неизменно становились его главной ударной силой, так как были хорошо обучены и вооружены [52]. Поскольку восстания стрельцов и казаков, как днепровских, так и донских, в отечественной историографии хорошо изучены, то упомянем здесь участие элементов с формировавшейся Военной Границы в восстаниях 1514 и 1604 гг. [53], а так же поддержку венгерским сеймом [54], магнатам из которого еще подчинялись гусарские полки [55], выступления Ф. Ракоци 1703-1711 гг. Только уланы, отличающиеся языком и религией от соседей-крестьян, не принимали, по-видимому, массового участия в народных восстаниях.

6) Существеннейший восточный элемент в тактике, вооружении и униформе. Значительная часть восточноевропейских иррегулярных войск изначально создавалась с участием переселенцев с востока. Граничары, как мы писали выше, начали формироваться на основе пришельцев из османских владений, а уланы вообще были этническими татарами. Татарский этнический элемент сыграл незначительную роль и при формировании казачества [56], но более существенным было культурное влияние, причем не только в военном деле: по сведениям С.Ф. Номикосова, покрой казачьей одежды был близок к татарскому, а употребление татарских слов в разговоре было признаком хорошего тона [57]. Даже в тех случаях, где подобного прямого влияния наблюдалось, современники находили сходство между восточноевропейскими иррегулярными войсками и восточными армиями. В частности, Ф. Тьеполло сравнивал стрельцов с янычарами [58], встречалась данная мысль и в отечественной историографии [59].

Мы не включали в этот список те особенности восточноевропейских иррегулярных войск, которые были характерны так же и для наемных армий Западной Европы. Между тем некоторые из этих особенностей так же весьма интересны и заслуживают отдельного внимания.

1) Низкий уровень централизованной военной подготовки в мирное время. Сама идея необходимости единообразной муштровки войск была высказана только принцем Оранским в ходе Нидерландской революции [60]. Более того, несмотря на победы голландских войск, данная идея практически реализовывалась в других странах крайне медленно, в первую очередь из-за объективных причин. Мы согласны с Ф. Мерингом, что сам формат наемной армии, собираемой в случае войны из разнородных частей и плохо оплачиваемой, объективно препятствовал качественной муштровке [61]. Однако принцип организации восточноевропейских иррегулярных армий так же основывался на сборе военнслужащих только в случае войны. Правда, часто их солдаты являлись

«естественными воинами», неизбежно получающими военную подготовку еще в детстве и отрочестве. У донских казаков единообразная допризывная подготовка была введена только в 1865 г., когда подобные военные традиции начали угасать [62]. Однако в случае, если солдаты иррегулярных войск не получали боевых навыков самостоятельно, попытки научить их чему-либо были малоэффективными. Ярким примером этого являлись российские стрельцы, строй которых представлял собой «неорганизованную толпу», а темп стрельбы был крайне низким, хотя их обучение формально было введено еще в XVII в. [63]. Причины этого крылись как раз в том, что в мирное время стрельцы занимались торговлей и ремеслами больше, чем ратным делом [64].

2) Отсутствие централизованной закупки формы и вооружения. Западноевропейские наемники были профессиональными солдатами, причем широкое распространение в их рядах получил институт кондотьерства, содержания частных армий. Другим распространенным способом вербовки было использование подрядчиков, за определенную сумму формирующих отряды с нуля из свободных наемников [65]. В любом случае, за снаряжение солдат отвечали их лидеры. В восточноевропейских армиях система обеспечения амуницией была несколько иной. Как мы писали выше, зачастую солдаты были обязаны приобретать снаряжение за свой счет. Даже там, где деньги на снаряжение выделялись государством, сама покупка оставалась личным делом военнослужащих. Подобная практика была распространена, в частности, в стрелецком войске [66].

3) Отсутствие единообразной организации. Западноевропейские наемные армии состояли из отдельных наемных отрядов, каждый из которых имел собственную структуру. Восточноевропейские иррегулярные войска были организованы даже несколько более единообразно, однако это единообразие было относительным: так, из улан по территориальному принципу формировались хоругви (эскадроны) [67], граничары аналогичным образом были разделены на генералитеты [68]. В подобных случаях, когда в основе организации лежал территориальный принцип, численность отдельных подразделений напрямую зависела от числа подлежащих призыву на соответствующих территориях. Даже там, где формально вводились полки единообразного состава, на практике их численность могла различаться почти вдвое [69], в зависимости от реального наличия солдат.

Войска, не имеющие единой системы военной подготовки, децентрализованно закупающие оружие и состоящие из различно организованных отрядов, на наш взгляд, в полной мере попадают под первое определение иррегулярных войск, даваемое «Советской Военной Энциклопедией» и «Военным словарем» И. Д. Сытина. Но из этого следует, что иррегулярными следует считать не только восточноевропейские иррегулярные войска, но и западноевропейских наемников XVI–XVII вв. Регулярные армии Нового Времени, с единообразной организацией, вооружением и подготовкой, существующие как в мирное, так и в военное время, в это время только зарождались. Данный факт заставляет еще осторожнее относиться к употреблению термина «иррегулярное войско», который, как мы видим, при расширительной трактовке может применяться к самым различным вооруженным формированиям. На наш взгляд, следует согласиться с авторами «Военного словаря»: данный термин имеет смысл применять по отношению к вооруженным отрядам, создаваемым начиная с XVII–XVIII в., но никак не раньше, когда регулярной армии не существовало в принципе. В некоторых отношениях восточноевропейские иррегулярные войска, более четко привязанные к своей стране и сохраняющие костяк в мирное время, были даже ближе к позднейшей регулярной армии, чем западноевропейские наемники.

Отдельного внимания заслуживают вопрос о проявлении черт наемничества в восточноевропейских иррегулярных армиях. Остановимся подробнее на истории венгерских гусар, чтобы получить ответ на него. Мы уже упоминали, что изначально гусары представляли собой поместное войско, собираемое с венгерских дворян. Однако очень быстро их дополнительные контингенты стали нанимать за деньги за пределами Венгрии. Уже в XVI в. они получили распространение в Польше, причем вскоре по образцу венгерских частей начали создаваться подразделения из местных жителей [70]. В итоге гусары первыми прошли тот путь, который ждал многие виды восточноевропейских иррегулярных войск: привлеченные их боевыми навыками, европейские монархи стали формировать из балканских наемников гусарские полки, сохраняющие традиционное

обмундирование и вооружение, но не организацию. Во Франции и Испании подобные части были сформированы в конце XVII в. [71]. Таким образом, с XVI в. термин «гусар» мог употребляться в двух значениях: и как «солдат венгерского кавалерийского ополчения», и как «наемник из исторических земель Венгерской короны, сохранивший традиционные оружие и обмундирование». Позже сформировалось и третье значение: «солдат из части, традиционно именуемой гусарской», причем в стране, первой начавшей формировать наемные гусарские части, в Польше, их обмундирование и вооружение со временем кардинально отошло от венгерского образца [72].

Причины, по которым венгерские гусары оказались вынуждены служить в других европейских армиях, тесно связаны с историей Венгрии. Мы говорили, что восточноевропейские иррегулярные войска существовали в одном-двух государствах, гарантировавших их права. Однако исторический процесс часто менял границы и правящие династии, создавая подчас достаточно неожиданные ситуации. Так, Венгрия и Польша в начале XVI в. были связаны одной правящей династией, Ягеллонами [73]. Однако вскоре, после битвы при Мохаче, Венгерское королевство перестало существовать как единое целое, и его владения были разделены между габсбургской монархией и турецким султаном [74]. Хотя формально венгерская корона перешла к Габсбургам, на практике многие дворяне предпочли служить туркам [75]. Когда в конце XVII в. произошло воссоединение Венгрии под властью императора Леопольда I, значительная их часть бежала из страны [76]. Таким образом, исход венгерских наемников не был вызван исключительно денежным вопросом: в начале XVI в. они служили в Польше родственникам своего короля, а в конце XVII в. искали службы, вынужденно бежав с родины. Подразделения, состоявшие из представителей восточноевропейских иррегулярных войск, создавались в других странах в трех случаях: если два государства оказывались связаны династически (помимо гусар польских Ягеллонов к этому случаю относится использование улан в саксонской армии в эпоху польско-саксонской унии [77]), если какая-то территория переходила под власть иного правителя (ярким примером этого может служить разделение днепровских казаков между Россией и Польшей после 1667 г. [78]) и в случае вынужденной эмиграции части населения, служащего в иррегулярных частях (в российской историографии наиболее известен пример казаков-некрасовцев, но не менее интересна история Новой Сербии, о которой мы писали выше). Наемные части, заимствовавшие вооружение и название у восточноевропейских иррегулярных войск, возникали только в этих трех случаях, хотя имели место и попытки сохранить их организацию после смены сюзерена. Неудачным примером подобной попытки, на наш взгляд, может служить история Новой Сербии [79], а удачной – сохранение левобережного гетманата днепровских казаков под властью России [80].

Выводы

Итак, схожие социально-политические условия пограничных территорий Восточной Европы привели к возникновению в XV–XVI вв. многочисленных восточноевропейских иррегулярных войск. Если армии Западной Европы в этот период эволюционировали в направлении формирования интернационального наемничества, то на границе христианского и мусульманского миров возникали новые военные сословия или же происходила милитаризация мелкого дворянства, как в случае с гусарским ополчением, причем возникающие структуры, хотя и включали в себя представителей различных этносов, обладали явно выраженным национальным ядром. Восточноевропейские иррегулярные войска действительно представляли собой единый феномен, несмотря на все различия в управлении и организации. Как показал опыт Военной Границы, они существенно превосходили армии западноевропейского образца при долговременной защите территорий от неприятельских, преимущественно турецких и татарских набегов. Усиление восточной угрозы в XV–XVI вв. привело к необходимости найти способ защищать границы азиатского типа, фактически игнорируемые подданными и союзниками Оттоманской империи. Логическим ответом на этот вызов стало, во-первых, создание системы милитаризированных границ, прикрывающих основные земли государства (засечные линии в России, Военная Граница в Австрии), во-вторых, привлечение на службу самостоятельно возникших в условиях азиатских границ вооруженных групп (союзные татары в Литве-Польше, казаки в той же Польше и России, сербы в Австрии) и, в-третьих,

развитие частей, получающих часть оплаты различными привилегиями (стрельцы, гусары). Линия милитаризированных границ не была постоянной, в ее состав постепенно вводились новые территории, а земли, ставшие глубоким тылом, могли терять свой статус, но к началу XVIII в. восточноевропейские иррегулярные войска, пусть и с разрывом в польских владениях, прикрывали границу христианского мира от Адриатики до Урала. На австро-турецкой границе располагались, с запада на восток, хорватская, славонская и банатская военные границы, российские владения были защищены с юга донским, терским и днепровским казачеством, а пандуры, стрельцы, уланы и гусары представляли собой своеобразный резерв, который мог быть мобилизован с существенно меньшими затратами, чем наемная армия, и независимо от ситуации на рынке наемников. Казачество в этот период, даже географически, было одним из приграничных поселенных иррегулярных войск, но в грядущем столетии ситуации предстояло коренным образом измениться.

Примечания:

1. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Ю.Ю. Ненахов. Минск: Харвест, 2002. С. 452.
2. Керсновский А.А. История русской армии. 1700-1881 / А.А. Керсновский. Смоленск: Русич, 2004. С. 89.
3. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века / А.А. Волвенко // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 48-49.
4. Там же.
5. Капшелер А. Казачество. История и легенды / А. Капшелер. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2014. С. 83.
6. Казачий Дон. Очерки истории. Часть I / А.П. Скорик, В.П. Трут, Р.Г. Тикиджьян и др. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского облИУУ, 1995. 192 с.
7. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» / А.И. Кирпиченок // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1-2. С. 114-115.
8. Там же. С. 115.
9. Дмитриев В. С. Сербь в Украине (XVIII – начало XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Киев, 2006. С. 8-10.
10. Кирпиченок А.И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» С. 115.
11. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 452.
12. Кирпиченок А.И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» С. 114.
13. Энгельс Ф. Армии Европы / Ф. Энгельс // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2003. С. 233.
14. Викедде Ю. Военные силы Германии и их развитие в новейшее время / Ю. Викедде // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
15. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 7. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1843. С. 464.
16. Военная энциклопедия. Т. 8. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1912. С. 450-451.
17. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. / С. Львов. М.: Восточный горизонт, 2002. С. 4.
18. Tuhan-Baranowski M. O muślimach litewskich / M. Tuhan-Baranowski. Warsaw: б/и, 1895. S. 14.
19. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 5.
20. Там же. С. 5-6.
21. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим / И.Д. Беляев. М: Университетская Типография, 1846. С. 15-16.

22. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. Дис. ... канд. ист. наук: Рязань, 2012. С. 10-18.
23. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии / Ф. Меринг // Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. С. 83-160.
24. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 7. С. 159.
25. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
26. Советская военная энциклопедия. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 598.
27. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
28. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
29. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 46-47.
30. Перетятыко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. / А.Ю. Перетятыко. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 156.
31. Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. СПб: Военная типография, 1884. С. 3-4.
32. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войск / Н.И. Краснов. СПб.: Военная типография, 1870. С. X.
33. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 147-149.
34. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 107.
35. Там же. С. 116.
36. Там же. С. 107.
37. Там же. С. 101.
38. Там же. С. 109.
39. Там же. С. 118.
40. Фрейдзон В.И. История Хорватии / В.И. Фрейдзон. СПб.: Алетейя, 2001. С. 62.
41. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений / Д.В. Сень // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 517.
42. Фрейдзон. В.И. История Хорватии. С. 57.
43. Там же. С. 57-58.
44. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1 / М.Н. Харузин. М.: тип. М.П. Щепкина, 1885. С. XV.
45. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 4.
46. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History of a Fighting Elite / V. Vuksic, Z. Grbasic. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. P. 146.
47. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим. С. 15-16.
48. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 106.
49. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 104.
50. Там же. С. 100-101.
51. Там же. С. 118-120.
52. Капшлер А. Казачество. История и легенды. С. 24.
53. Там же. С. 82.
54. Шимов Я. Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. М.: Эксмо, 2003. С. 129.
55. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 162.
56. Капшлер А. Казачество. История и легенды. С. 14-15.
57. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского / С. Номикосов. Новочеркасск: тип. Обл. правл. Войска Донского, 1884. С. 26.
58. Романов М.Ю. Стрельцы московские / М.Ю. Романов. М.:Гос. публ. ист. библиотека России, 2004. С. 17.
59. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. С. 10-18.
60. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 112-114.

61. Там же.
62. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 134.
63. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 55-56.
64. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. С. 10-18.
65. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 107.
66. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 47.
67. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 4-5.
68. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. \ Л.В. Березин. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 325.
69. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 54.
70. Brzezinski R. Polish Winged Hussar 1576-1775 \ R.Brzezinski. Oxford: Osprey, 2006. P. 6-14.
71. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
72. Васильев А. Польско-литовская гусария XVII века \ А. Васильев \ \ Цейхгауз. 1998. №1. С. 2-8.
73. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 62.
74. Там же.
75. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
76. Там же.
77. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 208.
78. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.
79. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
80. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.

References:

1. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo / Yu.Yu. Nenakhov. Minsk: Kharvest, 2002. S. 452.
2. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. 1700-1881 / A.A. Kersnovskii. Smolensk: Rusich, 2004. S. 89.
3. Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donsogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka / A.A. Volvenko // Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu, 2007. S.48-49.
4. Там же.
5. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy / A. Kappeler. Rostov-na-Donu: izd. YuFU, 2014. S. 83.
6. Kazachii Don. Ocherki istorii. Chast' I / A.P. Skorik, V.P. Trut, R.G. Tikidzh'yan i dr. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo obliUU, 1995. 192 s.
7. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» / A.I. Kirpichenok // Peterburgskaya bibliotechnaya shkola. 2006. № 1-2. S. 114-115.
8. Там же. S. 115.
9. Dmitriev V. S. Serby v Ukraine (XVIII – nachalo XIX v.). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: Kiev, 2006. S. 8-10.
10. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 115.
11. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 452.
12. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 114.
13. Engel's F. Armii Evropy / F. Engel's // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. M., SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2003. S. 233.
14. Vikedde Yu. Voennye sily Germanii i ikh razvitie v noveishee vremya / Yu. Vikedde // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
15. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov i posvyashchennyi Ego Imperatorskomu Vysochestvu Nasledniku Tsesarevichu i Velikomu Knyazyu Aleksandru Nikolaevichu. Ch. 7. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1843. S. 464.

16. Voennaya entsiklopediya. T. 8. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1912. S. 450-451.
17. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. / S. L'vov. M.: Vostochnyi gorizont, 2002. S. 4.
18. Tuhan-Baranowski M. O mušlimach litewskich / M. Tuhan-Baranowski. Warsaw: b/i, 1895. S. 14.
19. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 5.
20. Tam zhe. S. 5-6.
21. Belyaev I.D. O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle nego do preobrazovani, sdelannykh Petrom Velikim / I.D. Belyaev. M: Universitetskaya Tipografiya, 1846. S. 15-16.
22. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. Dis. ... kand. ist. nauk: Ryazan', 2012. S. 10-18.
23. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii / F. Mering // Mering F. Istoriya voin i voennogo iskusstva. SPb.: Poligon, 2000. S. 83-160.
24. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon. Ch. 7. S. 159.
25. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
26. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. M.: Voenizdat, 1977. S. 598.
27. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
28. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
29. Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 46-47.
30. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. / A.Yu. Peretyat'ko. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 156.
31. Dopolnenie k stroevym kavaleriiskim ustavam dlya kazakov. SPb: Voennaya tipografiya, 1884. S. 3-4.
32. Krasnov N.I. Voенное obozrenie Zemli Donskogo Voisk / N.I. Krasnov.SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. X.
33. Toinbi A. Postizhenie istorii / A. Toinbi. M.: Airis-press, 2003. S. 147-149.
34. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 107.
35. Tam zhe. S. 116.
36. Tam zhe. S. 107.
37. Tam zhe. S. 101.
38. Tam zhe. S. 109.
39. Tam zhe. S. 118.
40. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii / V.I. Freidzon. SPb.: Aleteiya, 2001. S. 62.
41. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii / D.V. Sen' // Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiiskoi istorii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 517.
42. Freidzon. V.I. Istoriya Khorvatii. S. 57.
43. Tam zhe. S. 57-58.
44. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1 / M.N. Kharuzin. M.: tip. M.P. Shchepkina, 1885. S. XV.
45. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 4.
46. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History of A Fighting Elite / V. Vuksic, Z. Grbasic. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. P. 146.
47. Belyaev I.D. O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle nego do preobrazovani, sdelannykh Petrom Velikim. S. 15-16.
48. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 106.
49. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 104.
50. Tam zhe. S. 100-101.
51. Tam zhe. S. 118-120.
52. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 24.
53. Tam zhe. S. 82.
54. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya / Ya. Shimov. M.: Eksmo, 2003. S. 129.
55. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 162.
56. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 14-15.

57. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo / S. Nomikosov. Novocherkassk: tip. Obl. pravl. Voiska Donskogo, 1884. S. 26.
58. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie / M.Yu. Romanov. M.:Gos. publ. ist. biblioteka Rossii, 2004. S. 17.
59. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. S. 10-18.
60. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 112-114.
61. Tam zhe.
62. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo. S. 134.
63. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 55-56.
64. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. S. 10-18.
65. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 107.
66. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 47.
67. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 4-5.
68. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatiya i Voennaya granitsa. / L.V. Berezin. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 325.
69. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 54.
70. Brzezinski R. Polish Winged Hussar 1576-1775 / R.Brzezinski. Oxford: Osprey, 2006. P. 6-14.
71. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
72. Vasil'ev A. Pol'sko-litovskaya gusariya XVII veka / A. Vasil'ev // Tseikhgauz. 1998. №1. S. 2-8.
73. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 62.
74. Tam zhe.
75. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
76. Tam zhe.
77. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 208.
78. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.
79. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
80. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.

УДК 93/94

**«Европейские казаки» в XVI-XVII вв.:
феномен иррегулярности от Адриатики до Урала**

Артем Юрьевич Перетятко

Дом детского творчества Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону,
Российская Федерация
344101, г. Ростов-на-Дону, ул. Верещагина, д. 10
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории восточноевропейских иррегулярных войск, получивших широкое распространение в России, Речи Посполитой и в габсбургских владениях в XVI-XVII в. В ней обосновывается позиция, согласно которой все подобные войска, в частности, казаки, граничары и уланы, представляли собой единый феномен, и для уяснения некоторых особенностей их эволюции следует рассматривать их историю комплексно.

На основании подходов, предложенных Ф. Мерингом, в статье делается вывод, что распространение иррегулярных частей в христианской Восточной Европе было следствием специфических социально-политических условий, прежде всего длительных войн и границ азиатского типа. В этих условиях правительствами создавались или приглашались на службу военизированные отряды, получающие вместо жалования различные привилегии. В результате сформировалась целая система иррегулярных войск, географические рамки которой ограничивались Адриатическим морем и Уралом.

Ключевые слова: иррегулярные войска, казаки, граничары, Россия, речь Посполитая, Габсбургские владения, Ф. Меринг.